

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
7509-65

XIII 33
300

ГОДЪ XLV.

**Еженедѣльное
изданіе.**

Октября 19-го 1913 г.

№ 42.

Редакція открыта отъ II до I ч. дня.

Въ пятницу и субботу, также въ воскресные и праздничные дни редакція закрыта.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер. Епархіальный домъ, редакція „Моск. Церк. Вѣдомостей“.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки; за 1 разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза 70 коп., на годъ — по особому условію.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою: на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ продаются въ редакціи „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“.

Отъ состоящаго подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны покровительствомъ Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ.

24 октября, въ 7 час. вечера, въ маломъ залѣ Епархіальнаго дома имѣеть быть общее годовичное собраніе Отдѣла. На немъ будутъ прочитаны: 1) предсѣдателемъ Отдѣла, протоіереемъ С. В. Страховымъ, отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1912-й годъ.—42-й его существованія, и 2) членомъ Отдѣла, священникомъ Д. И. Ромашковымъ, рефератъ: „Что такое христіанство? (по поводу 1600-лѣтія Миланскаго эдикта)“.

Передъ собраніемъ во Владимірской церкви Епархіальнаго дома будетъ отслужена панихида по усопшимъ членамъ Отдѣла. На собраніе приглашаются члены Отдѣла и всѣ, сочувствующія его дѣятельности лица.

Отъ Церковно-Археологическаго Отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Члены Церковно-Археологическаго Отдѣла симъ приглашаются на засѣданіе, имѣющее быть въ четвергъ, 24 октября, въ 7 час. вечера, въ Епархіальномъ Домѣ, въ помѣщеніи Епархіальной бібліотеки.

Предметъ засѣданія.

РЕФЕРАТЫ:

1. Дѣйствительнаго члена В. М. Борина: „Образъ: Положеніе Честныя Ризы Господней царемъ Михайломъ Теодоровичемъ и патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ въ Москвѣ въ 1625 году“.

2. Дѣйствительныхъ членовъ, іеромонаха Арсенія и Н. Н. Соболева: „О царскихъ дверяхъ Вогородице-Рождественскаго Собора Звенигородскаго Саввино-Сторожевскаго монастыря.“

Отъ Правленія Московскаго Епархіальнаго Общества борьбы съ народнымъ пьянствомъ.

Правленіе М. Е. О. борьбы съ народнымъ пьянствомъ симъ просить о.о. председателей приходскихъ братствъ трезвости:

1) Сообщить свои почтовые адреса (за исключеніемъ Москвы и уѣздн. городовъ) секретарю Общества протоіерею В. И. Кедрову (Долгоруц. ул., д. ц. святит. Николая).

2) Присылать годовые отчеты (за 1913 г.) по вышеуказанному адресу въ первой половинѣ января 1914 г.

3) Для облегченія составленія годовыхъ отчетовъ рекомендуется пользоваться формой опросныхъ листовъ, рассылавшихся братствамъ въ 1912 г.

ПРАВЛЕНІЕ.

Отъ Московскаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Совѣта.

За вакантностью должности Коломенскаго уѣзднаго противораскольническаго миссіонера, Коломенскій уѣздъ въ противораскольническомъ отношеніи, временно порученъ Епархіальнымъ миссіонеромъ Бронницкому противораскольническому миссіонеру священнику *Іоанну Доброву*.

Отъ Совѣта Православнаго Миссіонернаго Общества.

22-го октября, во вторникъ, имѣетъ быть совершенно празднованіе 43-й годовщины Православнаго Миссіонернаго Общества, на которое члены Общества и всѣ сочувствующіе его дѣятельности усерднѣе приглашаются.

Въ этотъ день въ Казанскомъ Соборѣ (Красная площадь) Владыкою митрополитомъ будутъ совершены литургія и молебствіе. Начало литургіи въ 10 часовъ.

Въ 7^{1/2} часовъ вечера въ Епархіальномъ Домѣ (Лиховъ пер.) имѣетъ быть Общее Собраніе членовъ Общества для выслушанія отчета за минувшій 1912 годъ, утвержденія смѣты расходовъ и избранія 4-хъ уполномоченныхъ для повѣрки финансовой части отчета за 1912 годъ.

На собраніи о. Протоіерей І. І. Восторговъ произнесетъ рѣчь: „Современныя нужды и заботы Сибирскихъ миссій“.

Въ антрактахъ между рѣчами хоръ пѣвчихъ исполнитъ нѣсколько пѣснопѣвій церковныхъ и изъ „Алтайской ленты“.

С Л О В О,

произнесенное въ храмѣ св. Василя Кессарійскаго при архі-
ерейскомъ служеніи 22 сентября.

Сегодня, въ день закладки храма во имя св. Александра Невскаго и въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ предѣлахъ нашего прихода совершается событіе, имѣющее значеніе не только для всей нашей многолюдной древней столицы Москвы, но и для всей многомилліонной Россійской Имперіи.

Нынѣ мы принимаемъ участіе въ событіи, которое должно найти отклики въ душѣ каждаго русскаго человѣка, которому дороги лучшія историческія воспоминанія прошлыхъ судебъ нашего отечества.

Въ исторіи новой Россіи нѣтъ другого факта болѣе умиленнаго, чѣмъ освобожденіе крестьянъ; это дѣяніе доброй воли Царя-Освободителя. И даже для царской воли это было дѣло не легкое, потому что оно состояло не въ простомъ только желаніи помочь закрѣпощеннымъ крестьянамъ и не было такимъ указомъ, какое можно бы рѣшить мгновенно императорскимъ указомъ. Дѣло было въ томъ, должны ли освобожденные крестьяне быть экономически и административно зависимыми отъ помѣщиковъ или должны быть независимыми общинными собственниками. Царь склонился къ послѣднимъ, и когда онъ, блаженной памяти императоръ Александръ II Николаевичъ, подписалъ и повелѣлъ опубликовать новый законъ о раскрѣпощеніи крестьянъ, въ шестую годовщину своего восшествія на престолъ, 19-го февраля 1861 года, русскій крестьянинъ—повѣрьте моему священническому слову—приобрѣлъ такія права и привилегіи, которыхъ не имѣютъ крестьяне нигдѣ, ни въ какомъ другомъ европейскомъ государствѣ.

Нечего говорить, какъ хороша свобода. Жаль только, что каждый понимаетъ свободу по своему. Для насъ, возлюбленные, православныхъ христіанъ и вѣрныхъ чадъ нашей церкви, свобода есть свобода нравственная, свобода отъ грѣха (Рим. 6, 18 и 22), миръ и радость о Духѣ Святомъ, и, слѣдовательно, самоограниченіе постольку, поскольку въ насъ еще гнѣздится грѣхъ.

Кто живетъ по правдѣ Христовой, тотъ дѣйствительно свободенъ, потому что никто не можетъ стать хорошимъ по принужденію отъ другихъ, а только по принужденію отъ себя.

Пока мы не подавляемъ своихъ страстей и не дѣлаемъ того, что считаемъ хорошимъ, до тѣхъ поръ мы въ крѣпостной зависимости отъ грѣха. Если спросить, кто виноватъ въ томъ, что мы живемъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то, конечно, нужно отвѣтить: мы сами. Другіе люди тутъ не при чемъ. Реформу нужно начинать съ самихъ себя,—вотъ свобода, которую проповѣдуетъ наша православная вѣра и церковь всегда и, въ особенноти, въ настоящую эпоху нашей родинѣ и нашему поколѣнію и о которой благовременно, кажется мнѣ, вспомнить въ сей часъ осуществленія

прекрасной мысли о созданіи Богу храма въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Нечего говорить и о томъ, что такое рабство

Пусть прошлое будетъ прошлымъ. Зачѣмъ мнѣ, привратнику царства Божія и служителю Новаго Завѣта, вмѣсто благовѣстія говорить людямъ о жизненныхъ горячъ и невзгодахъ?

Только бы Богъ, Который, однако, имѣетъ право прощать, помиловалъ насъ за наши грѣхи.

Ну что тамъ говорить, всѣ грѣшили и грѣшимъ.

А торжественный часъ закладки новаго храма въ память освобожденія крестьянъ, благовремененъ чтобы сказать: да святится имя Божіе черезъ насъ самихъ, въ нашей жизни такъ, чтобы продвинулось челоуѣчество къ осуществленію царства Божія на землѣ.

Царь-Освободитель умеръ преждевременною и мученическою кончиною. Но, возлюбленные братіе, бомбами и револьверами не низведешь царства Божія на землю. Не низведешь его и однѣми внѣшними реформами.

Я говорю съ вами, возлюбленные, какъ съ свободными и разумными чадами Божіими: вамъ не нужны правила поведенія, а нуженъ примѣръ жизни, и вотъ мы указываемъ на Христа, и въ этомъ наша проповѣдь.

Нагорная евангельская проповѣдь, въ которой все христіанство, не требуетъ, чтобы мы дѣлали то-то и то-то, а чтобы мы были такими-то и такими-то людьми.

Поэтому надобно во всемъ походить на Господа нашего Иисуса Христа.

— Дорогіе мои слушатели! Церковь, которой я служу, есть побѣдительница лукаваго агнца лжи и его лживыхъ пророковъ, и сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.

Поэтому-то я говорю съ вами тономъ увѣренной въ себя, спокойной радости о созиданіи новаго храма.

Поищите-ка по бѣлу свѣту, гдѣ кромѣ нашей православно-христіанской вѣры найдется безусловное право на этотъ тонъ.

Всѣ хотять улучшить міръ насиліемъ и принужденіемъ. Но церковь сначала сказала: не существенно, рабъ ты или свободной. Главное, ты Христовъ. При языческихъ императорахъ сказано было: всяка душа властемъ придержащимъ да повинуется.

Начиная съ уничижившаго Себя Сына Божія, христіанство одно зоветъ всѣхъ,—и немудрыхъ и умныхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и убогихъ, и красивыхъ и уродовъ, и полезныхъ и ненужныхъ членовъ общества и государства: приходи, почерпай и пей вѣчную жизнь и спасайся.

Христіанство первое мѣсто даетъ святому.

Свидѣтели силы небесныя и вся церковь—торжествующая и воинствующая, свидѣтельницы—вѣра апостольская и кровь мученическая и состоявшееся уже обращеніе передовой части

человѣчества (европейцевъ) къ Христу, свидѣтели и мы, современные проповѣдники, силы евангельской, немощные сосуды, полные вина жизни,—свидѣтели того, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ пришелъ въ мѣръ и Своимъ примѣромъ и ученіемъ привлекъ и распространилъ такой нравственный идеалъ, который, воплотившись въ христіанствѣ и переживъ въ теченіе 19 вѣковъ дѣйствіе враждебныхъ силъ, поднимаетъ, очищаетъ и благословляетъ человѣчество полнотою жизни. И рабство въ римской имперіи пало, какъ и вообще общественная и семейная жизнь улучшается и освящается, ничѣмъ инымъ, какъ силою Христовой.

Будущность русскаго государства, какъ и вообще русскаго общества—въ русской православной церкви, въ той вѣрѣ, которая учитъ, что всѣ люди равны предъ очами Агнца небеснаго и что, какъ самые знатные, такъ и самые незначительные—всѣ грѣшны и всѣ одинаково наслѣдники вѣчной жизни и объединяются какъ братья въ общей надеждѣ на спасеніе силою искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа.

Во имя этой вѣры православной помогите достойно завершить народный храмъ въ память освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости, во имя св. Александра Невскаго, стойкаго борца за свободу родины, при молитвенномъ содѣйствіи великихъ святителей: Кесарійскаго, Миръ-Ликийскаго и Московскихъ. Аминь.

Священникъ *Николай Преображенскій*.

Религія культурнаго мѣщанства.

(Замѣтка о Мережковскомъ).

Д. С. Мережковскій одинъ изъ тѣхъ публицистовъ, искренности котораго хочется вѣрить, видя его отчаянные прыжки во всѣ вѣка и народы съ цѣлью отысканія якоря, за который могла бы ухватиться если не вся Европа, то хоть Россія, которая еще не успѣла „пройти мѣщанствомъ“. Нашъ подкупаетъ его стремленіе отыскать въ самыхъ различныхъ направленіяхъ искру Божію.

Во время русской революціи онъ смѣло, не взирая на обвиненія въ реакціонности, спросилъ паспортъ у русской интеллигенціи.

Откуда она? По какому праву возстала? Почти съ цинической откровенностью ему отвѣчали: „по праву кулака голоднаго пролетарія“.

Онъ не побоялся заявить на это: „если кулакъ святъ у пролетарія, онъ святъ и у буржуа“. „Здѣсь сила противъ силы, а не Богъ противъ Бога*“). Мережковскій обмолвился жесткимъ словомъ: хамство!..

„У голоднаго пролетарія и сытаго мѣщанина разныя экономическія выгоды, но метафизика и религія одинаковы—метафи-

*) Соч. Томъ XI.

зика умѣреннаго здраваго смысла, религія умѣренной мѣщанской сытости“...

Теоретическія основы, внесенныя въ революцію, интеллигенція почерпнула у Запада; Мережковскій и здѣсь предостерегалъ: „религія современной Европы—мѣщанство“ и это быть можетъ въ недалекомъ будущемъ грозить ей крахомъ, ибо „отъ благоразумнаго, сытаго мѣщанства до безумнаго голоднаго звѣрства—одинъ шагъ. Не только человѣкъ человѣку, но и народъ народу—волкъ. Отъ взаимнаго пожиранія удерживаетъ только взаимный страхъ,—узда слишкомъ слабая для разсвирѣпѣвшихъ звѣрей“...

Въ нашей революціи проявилось слишкомъ много теоретическаго и фактическаго звѣрства, чтобы не наступить реакціи, и вотъ, когда она наступила, интеллигенты какъ въ кривомъ зеркалѣ, отразились въ критикѣ Мережковскаго—уродливые, одинокіе, оторванные отъ народной и государственной жизни. Увлекаемая декадентствомъ и пинкертоновщиной, они чувствовали, что проваливаются въ пропасть, что хамъ не грядетъ, а уже пришелъ.

Гдѣ же выходъ, гдѣ же канатъ, за который интеллигенція могла бы уцѣпиться, чтобы вылѣзть изъ „чернаго колодца“. Съ тоской и надеждой она устремляетъ взоръ на Мережковскаго: не найдетъ ли онъ? И онъ будто бы нашелъ. Онъ произнесъ великое слово: религія. Своего Бога онъ „вымучивалъ“ такъ же, какъ и Достоевскій. Жутко было подыматься за нимъ по мрачнымъ вертепамъ отрицаній, выжатыхъ изъ всѣхъ отрицателей и богоборцевъ Достоевскаго. Невыносимо было воспринимать его мысли въ той ужасающей соблазнительной формѣ, которую онъ сознательно придавалъ имъ.

Мѣщанинъ въ интеллигентѣ ежился и трепеталъ: „а что какъ Онъ есть, что какъ за все спросить съ насъ при громовыхъ трубахъ послѣдняго дня... Но Мережковскій сжалился надъ культурнымъ мѣщаниномъ.

Такого Бога нѣтъ, котораго рисуетъ „историческое христіанство“ и въ частности Православіе, создавшее аскетическій идеалъ святости, „пригвоздившій“ къ скалѣ Достоевскаго и Гоголя и создавшій „послѣдняго святого“ Серафима Саровскаго, огораживавшагося отъ женщинъ и отдававшего тѣло на съѣденіе комарамъ.

Въ аскетизмѣ не Богъ, а паукъ, высасывающій соки изъ людей, заставляющій ихъ бесполезно страдать и истреблять другъ друга. Это ужасно!..

И вдругъ изъ строкъ Мережковскаго начинается мелькать улыбка сатаны, кощунника и хулителя.

А что если и паука нѣтъ, если ничего нѣтъ?..

Мѣщанинъ холодѣетъ отъ ужаса. Неужели его просвѣщенный мозгъ сдѣлается пищей червей и на могилѣ вырастетъ базаровскій лопухъ?

— О, нѣтъ,—успокаиваетъ г. Мережковскій,—ты воскреснешь.

Былъ одинъ человѣкъ—Богочеловѣкъ, который претерпѣлъ муки, непереваримыя для нашего сознанія по своей несправедливости; претерпѣлъ ихъ до конца. Мысль о паукѣ ни разу не приходила ему въ голову; онъ ни разу не усомнился въ благодати Отца и вѣрилъ, что ужасъ смерти Его и страданія нужны для преодоленія ужаса ничтожества человѣческаго. Онъ попраля смертью смерть. Онъ воскресъ, воскреснемъ и мы.

„Тайна рожденія, воплощенія,—говоритъ Мережковскій,— не больше и не меньше, чѣмъ тайна воскресенія; то что мы родились, столь же невѣроятно, какъ и то, что мы воскреснемъ: вторая невѣроятность отличается отъ первой лишь тѣмъ, что вслѣдствіе новизны своей она менѣе для насъ привычна *)“.

Мѣщанинъ приходитъ немного въ себя и уже готовъ воскликнуть: „Вѣрую, Господи, помози моему невѣрью“!

А Мережковскій становится все убѣдительнѣе и ярче.

Пламенный духъ Рескина начинаетъ звучать въ его словахъ и мѣщанинъ почти ощущаетъ religio, соединеніе, связь съ Богомъ, „первую и послѣднюю связь всѣхъ вещей, соединеніе всего разьединеннаго“.

Публика устремляется къ сочиненіямъ Мережковскаго, дабы полнѣе узнать о религіи и о Богѣ.

Интересъ его понятенъ, ибо простымъ звукомъ религія и Богъ, человѣкъ, ощутившій въ этомъ потребность, не удовлетворится. И у Спинозы есть Богъ, и у Толстого, и у Серафима Саровскаго,—который же настоящій? Различныя вѣроученія и просто ученія по разному представляютъ religio связь съ Богомъ. Но несомнѣнно, что одинъ Богъ долженъ быть истиннымъ и одна религія настоящей, таково свойство нашего сознанія. И, наконецъ, религія не просто связь, а повелѣніе. Существенною ея частью является догма; религіи безъ догмы нѣтъ.

Чтобы быть дѣйственной, религія и должна категорически и притомъ сверхъ рационально повелѣвать. Въдѣ только въ этомъ случаѣ возможно перерожденіе жизни и уничтоженіе мѣщанства, трусливо охраняющаго животъ свой. Религія требуетъ: не убій, не укради, не прилюбы сотвори, и во всемъ этомъ абсолютная категоричность. Религія освобождаетъ человѣка и человѣчество отъ страха смерти, ибо даетъ смыслъ жизни, но при этомъ она требуетъ отъ насъ стать средствомъ для Высшаго.

Эта особенность религій и объясняетъ намъ титаническую силу мировыхъ переворотовъ въ исторіи, когда съ радостію и надеждой гибли милліоны, чтобы десяткамъ дать возможность перестроить жизнь по Богу.

Мощность и сила религіи зачаровали Мережковскаго. Какіе бы горизонты открыла Россія, если-бы ея великая революція приобщилась этой мощи!

Но нѣтъ, здѣсь царствовали хамъ; изъ Маркса онъ не замедлилъ сдѣлать выводъ: какое мнѣ дѣло, что крестьянинъ и

*) Томъ IX.

рабочій голодаютъ, если изъ меня выростетъ лопухъ. А посему грабь его ловко и шустро, „такъ говорилъ Заратустра“. Мѣщанская подкладка революціи и привела насъ къ „черному колодцу“ всякихъ непотребствъ. Тѣмъ съ большей жадностью интеллигентъ обращается къ Мережковскому.

На его запросъ Мережковскій отвѣчаетъ глубокой (а можетъ-быть только глубокомысленной) критикой Толстого и Достоевскаго.

У Достоевскаго „идеаль Святого Духа“, къ которому онъ пришелъ черезъ бездну отрицанія, у Толстого идеаль „святой плоти“. Однако, ни одинъ изъ нихъ не годится для современнаго культурнаго человѣка (т.-е. мѣщанина). Отъ Достоевскаго слишкомъ „разить“ православіемъ. А это послѣднее выдвигаетъ требованія, невыносимыя для мѣщанина, больше всего дорожащаго пищевареніемъ. Оно, напримѣръ, почитаетъ безбрачіе какъ высшій идеаль святости, слѣдовательно и рѣчи быть не можетъ, чтобы оно оправдало практику нашихъ декадентовъ, въ одиночествѣ занимающихся паденіемъ въ „бездны тѣла“.

Но, вѣдь, въ своихъ паденіяхъ и проистекающихъ отсюда страданійхъ они искренни,—заявляетъ г. Мережковскій,—они ищутъ, и надъ муками ихъ витаетъ „Святой Духъ“. Поэтому идеаль умерщвленія плоти, на которомъ въ концѣ концовъ остановился Достоевскій, положительно нельзя принять. Но и Толстого „тайновидца плоти“ въ его художественныхъ „подземныхъ“ произведеніяхъ нельзя принять. Его эпикуреизмъ пахнетъ базаровскимъ лопухомъ. И вотъ Мережковскій дѣлаетъ чудовищный синтезъ. Соединяетъ въ своей религіи „святую плоть“ со „Святѣмъ Духомъ“. Соединяетъ Толстого и Достоевскаго. Этого синтезъ, по его мнѣнію, необходимъ для всемірной культуры.

Къ сожалѣнію, Мережковскій нигдѣ точно не опредѣляетъ, что нужно разумѣть подъ „Святой плотью“. Но очевидно это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что всякое проявленіе плоти свято, разъ оно сопровождается глубиной религіознаго экстаза. Свято все, что самъ человѣкъ переживаетъ какъ святое. Плоть создана не для ея подавленія; въ проявленіи своихъ инстинктовъ она гармонично сочетается съ проявленіемъ духа. Грѣха нѣтъ, есть пошлость—плоскость—мѣщанство, котораго нужно избѣгать.

Но отъ понятія грѣха нельзя избавиться ищущему религіи. Догма религіи предусматриваетъ нарушенія ея, стало быть—включаетъ понятіе грѣха. Субъективная же религія Мережковскаго хоть избавляетъ отъ грѣха предоставленіемъ права каждому сочинять свою догму, но не избавляетъ отъ споровъ. А споры обнаруживаютъ, что у него нѣтъ религіи, ибо нѣтъ существенныхъ признаковъ ея—Откровенія и догмы. Но у него нѣтъ и нравственности, такъ какъ нравственность въ основѣ своей имѣетъ абсолютное, т.-е. опять-таки догматическое, а не субъективное. Однимъ концомъ она всегда привязана къ религіи. А если ее отвязываютъ, то получается то самое жонглированіе

нравственными понятіями, которое мы наблюдаемъ въ позитивизмъ и его разновидности утилитаризмъ, гдѣ легко оправдывается даже нравственность тигра...

И снова мѣщанина охватываетъ дрожь: а что если, вопреки увѣреніямъ Мережковскаго, освященіе эксцессовъ плоти есть кощунство?

Мѣщанство трусливо,—оно не грѣшитъ, а пакостничаетъ,—не вѣря ни въ Бога, ни въ діавола, оно все-таки боится ихъ. Чтобы избавиться отъ этой боязни, мѣщанству не хватаетъ религіи, оправдывающей пакостничество или, по меньшей мѣрѣ, оставляющей его безнаказаннымъ. Но вотъ творецъ подобной религіи нашелся, да еще какой—самый заклятый врагъ мѣщанства г. Мережковскій. Онъ говоритъ мѣщанину: и Богъ и діаволь есть, но ты можешь спокойно пакостничать. Богъ терпитъ, стало быть онъ хочетъ. А послѣ смерти ты воскреснешь. И воскреснешь точь въ точь какъ одинъ изъ героевъ Марка Твѣна, который хотя и нашель, что лоно Авраама слишкомъ тѣсно, чтобы вмѣстить всѣхъ праведниковъ, но помирился съ этимъ.

Мережковскій обѣщаетъ мѣщанамъ воскресеніе со всѣми ихъ страстями и похотями. Идея преображенія воскресшей плоти осталась чужда ему.

Но не только мѣщанинъ, а даже и діаволь, этотъ отецъ лжи и источникъ всякаго хамства, обрѣлъ въ лицѣ Мережковскаго талантливаго адвоката. Къ сожалѣнію, приемы защиты нѣсколько затасканы. Всякая тварь отъ Бога,—разсуждаетъ Мережковскій,—діаволь тварь. Но твари все простится, ибо совершенной любви—Богу нелогично наказывать свои творенія...

Д. С. Мережковскому собственно оставалось пройти еще одинъ циклъ вопросовъ. Зачѣмъ вообще Богу было заниматься твореніемъ, а сотворивши попускать діаволу насажденіе хамства. Но за этимъ рождается позитивистскій вопросъ: зачѣмъ вообще нуженъ Богъ, если мѣщанинъ и безъ него можетъ обходиться.

Бездна культурнаго хамства, однако столь ужаснула Мережковскаго, что онъ Бога оставилъ.

Но Богъ ли это? Присмотрѣвшись ближе, мы видимъ у него обоготвореніе мѣщанства со всѣми его страстями и похотями. Новаго и цѣннаго въ религіозномъ смыслѣ онъ ничего не далъ.

Святскій.

Изъ стараго быта духовенства.

(Разсказъ дѣда).

Предки наши, люди-пахари, ближе стояли къ природѣ и какъ бы сживались съ элементами природы: ближе были къ землѣ, смотрѣли чаще и вдумчивѣе на небо. Возьмемъ праздничное время: къ вечеру молодежь хороводы водить, или иное другое какое веселье затѣветъ, старики соберутся или группами, или на зава-

ленкѣ скопомъ, особенно въ страдную пору; вотъ и ведутъ дѣловые разговоры по времени года: весной о пашнѣ, посѣвѣ овса, картофеля, гречихѣ, о раздѣлкѣ земли подъ огородъ, и при всѣхъ дебатахъ, природа, для людей того времени, была книгой. Они какъ бы читали изъ нея и брали указанія на дѣла и жизнь, какъ вѣрное руководство и, вотъ, почему слова: „какъ Господь“... „какъ Богу угодно и Его св. воля“—съ устъ не сходили. Такъ старый, темный людъ, но какъ бы съ дѣтской душой, наивно изучалъ природу. Отсюда и слышимъ мы отъ стариковъ: въ то время, молъ, были люди Божьи, а въ наше время люди ученые. Эти два полюса, старое и новое, трудно объединить. Конечно, ошибки, даже крупныя, бывали и у стариковъ далекаго времени, но ошибки, такъ сказать, невольныя. Но все же старые люди не растряхивали своего ума въ наукахъ...

Въ одинъ праздничный июльскій день мы, духовенство, какъ сосѣди наши—крестьяне с. Старомірова, сидѣли на крыльцѣ. Много насъ, молодежи, было: и мальчики и дѣвочки взрослыя и малыя, даже ученые были: studiosus—сынокъ о. Тяжелова, два бурсака, одна дѣвочка была тоже съ образованіемъ—дочь дьячка. Жара стояла нестерпимая, такъ что, вотъ, и къ позднему вечеру потомъ такъ и обливаетъ; воздухъ спертый, на небѣ—ни облачка. Мы, молодежь, о дѣлѣ и бездѣлѣ трещали, какъ кузнечики—кто о чемъ умѣетъ. Смѣхъ, шутки, такъ сказать, охлаждали зной. Пожалуй, такъ и долго бы просидѣли, но вышло дѣло иное.

Второклассный бурсакъ, не то съ просьбой, не то съ претензіей на вниманіе, почему-то завелъ ученую рѣчь.

— Мнѣ выдали на эту треть географію и, вотъ, мы..

Всѣ мы насторожились, что, молъ, за штука такая? Дѣвочка взрослая даже спросила:

— Ваня! А, что же это такое... какъ ты назваешь-то?!

— Географія-то? да, это мы учимся, что вотъ земля вертится, а солнце стоитъ неподвижно.

— Какъ земля вертится? Что ты врешь?! Солнышко было утромъ вонъ тамъ, а видишь, сейчасъ вотъ гдѣ—послышались протесты... Ваня тоже еще такъ мало познакомился съ географіей, что и не зналъ, что отвѣчать. Сконфузился будто, но его скоро выручилъ studiosus.

— Это и мы изучали, заговорилъ онъ молодымъ баритономъ. Ваня говоритъ правду, да и проректоръ мнѣ, помню, на повѣркѣ объ этомъ вертеньи сказалъ: *optime!* А профессоръ такъ сказалъ *Volde optime.* Вѣрно земля вертится, а солнце и небо стоятъ неподвижно; если желаете, я вамъ поясню... Но въ это время послышался старческій кашель и заскрипѣли ворота, откуда, ворча что-то, выходилъ дѣдъ.

— Ну, Ванюшка, малецъ, скажетъ что по глупости, а ты, братецъ, studiosus—эво что сбрехнулъ, земля вертится?! Голова-то у тебя вертится отъ науки, а не земля!.. Самолично выдаю, какъ солнышко-то восходитъ: его еще и не видно вотъ изъ-за

того лѣса, а я уже знаю, что вошло оно. Къ завтраку солнце вотъ здѣсь бываетъ,—костлявой, волосатой рукой указаль дѣдъ; запримѣть, между овиномъ Захара и старой ветлой, въ полдень доходить до...

— Дѣдушка, да, вѣдь, это не солнце ходитъ, а земля вертится, вотъ такъ! вотъ такъ! и Ваня наглядно показаль руками, какъ вертится земля.

Осерчалъ дѣдъ. Подошелъ ближе къ намъ, безъ разговора опустился на ступеньку и молча постучаль своей палкой о землю.

— Соплякъ ты, Ваня, а лѣзешь меня учить, не рано-ли? Я, вотъ, вѣкъ доживаю, а этого не видываль, чтобы земля вертѣлась, глупый ты!? Разсуди ты, малышь: вотъ завертѣлась земля и всѣ мы полетѣли бы съ этой ступеньки вверхъ ногами, да и ни одного сарая, аль овина въ цѣлости не осталось бы; вотъ, развѣ храмъ Божій устоялъ бы, а вода, такъ вся вылилась бы на твою науку, да на фараона-то вотъ этого, прибавилъ дѣдъ, указывая на studiosa. Эхъ вы, галчата желторотые! Ты, вотъ, studiosus, говоришь, что небо и солнце стоятъ неподвижно, вотъ я тебя сейчасъ и поймаю на словѣ.

— Ну, ты знаешь ли, что такое коромысло на небѣ?

— Знаю, дѣдушка... Мы всѣ такъ и вкипѣли, хотя не понимали вопроса.

— Это не коромысло, дѣдъ, а на небѣ звѣзды расположены такъ, въ видѣ коромысла, почему...

— Перестань, добро, я лучше твоего знаю,—выкрикнулъ дѣдъ. Мнѣ сказываль странникъ, онъ бываль и на Аeonѣ, Соловахъ, въ стар. Иерусалимѣ и гдѣ не былъ; весь бѣлый свѣтъ произошелъ, а теперь собирается на небо... Такъ онъ сказываль не то, что ты нагородилъ сейчасъ, какъ тупымъ топоромъ изгородку. Онъ сказываетъ, и это вѣрно распривѣрно: когда взойдутъ звѣзды, ты съ вечера, ай подь утро и посмотри на небо и увидишь, братецъ, ты мой, это золотое коромысло. Постои подольше еще увидишь, то тутъ, то тамъ упадетъ съ неба звѣздочка одна, другая, тутъ и тамъ, а отъ чего это? Вотъ старецъ-то Божій мнѣ и рассказываль. Это, видишь ли, въ урочный часъ, съ верхняго неба сходятъ непорочныя дѣвицы, умершія въ красѣ, и бѣгутъ бойко, бойко къ этому коромыслу (отъ того и звѣзды падаютъ), какая раньше схватить коромысло, та и пойдетъ на землю за водой, и принесетъ съ земли воды, и напоитъ небесныхъ дѣвицъ. Вотъ что! Да ты не серчай—обращается дѣдъ къ studiosu. Развѣ ты можешь такъ читать псалтирь, пареміи, апостоловъ?! Нѣтъ, братъ и не думай. Я за чтеніе-то мое не пять разъ битъ, а чтобы получить стихарь 18 ровно разъ ходилъ на подворье! Да битъ - то не отцомъ и матерью, а вотъ сосѣднимъ діакономъ, да дьячкомъ Егорычемъ. Слыхаль!?

— Ахъ, дѣдушка милый, расскажи, какъ это тебя били; ты говоришь, что ты съ медвѣдемъ сладишь, какъ же ты под-

дался? Молчить дѣдъ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Дѣйствительно послышался отдаленный рокотъ грома, густой, могучій. Дѣдъ перекрестился: святъ, святъ, святъ! Св. прор. Божій Ілія моли Бога о насъ! И всѣ мы, какъ одинъ, начали креститься. Прошло минутъ пять, дѣдъ и урчитъ, какъ бы про себя...

— Какъ поддался-то? Да, вѣдь, это давно было. Какъ-то разъ зашелъ у насъ споръ, на крестномъ ходу это было, кто лучше прочитаетъ можетъ. Договорились мы, я, діаконъ и Егорычъ, изъ стараго Старомірова, пробу сдѣлать. Приѣхали мы на Покровъ къ Егорычу въ гости, душевный человѣкъ былъ, ну-те, угостились какъ должно и пр. Затѣмъ сначала пошутили въ домѣ: попѣли, поплясали, на дворѣ тянулись на оглоблѣ, боролись, ну, я, не хваливши, всѣхъ побѣждалъ. А діаконъ былъ, лукавый его задави, хитрый! Стало быть, чтобы поддѣть-то меня и удумалъ хитрую штуку.

— Ну, говорить, ты насъ смялъ, потому у тебя сила медвѣжья, такъ давай на другомъ. Давай кто лучше прочтетъ? Давай!

Вѣстимо молоды были. Гдѣ же читать? Въ избушкѣ тѣсно, на улицѣ неудобно. Опять діаконъ рѣшилъ задачу. „Оставайся ночевать“, говоритъ мнѣ, „а завтра пойдемъ съ Егорычемъ въ церковь, будто печи топить, тамъ и проба. Какъ задумали, такъ и сдѣлали. И замолчалъ дѣдъ, задумался... Мы тоже замерли. На самомъ интересномъ мѣстѣ дѣдъ остановился, а ну, какъ, что нерѣдко водилось, онъ не доскажетъ... Выдерживаетъ насъ дѣдъ, не говорить.

— Дѣдушка! выкрикиваетъ Ваня, ждемъ.

Наконецъ самъ дѣдъ какъ бы про себя прогудѣлъ: „и плутяга былъ этотъ діаконъ... вѣдь они выдрали меня! выкрикнулъ дѣдъ“.

Мы такъ и застыли.

— Эхъ, молодость! И вѣдь смѣху что было!—оживился дѣдъ.

Мы обрадовались.

— Теперь такъ и быть—расскажу до конца, заявилъ дѣдъ.

Вѣдь, что придумалъ этотъ діаконъ. Праздничное дѣло, ну, мы випили; діаконъ уговорилъ меня: ночуй, да ночуй—завтра на зарѣ уѣдемъ вмѣстѣ, ну, чтожъ, думаю, останусь. Еще попили, крѣпко поужинали, а спать всѣ трое мы пошли въ сарай... Хи! хи! безвучно засмѣялся дѣдъ. А, вѣдь, еще какую штуку придумалъ діаконъ. Заранѣе принесъ въ сарай громадный мѣшокъ, постелилъ на сѣно и легъ. Мы съ Егорычемъ еще гуторили; однако діаконъ приглашаетъ: пора, братцы, ложись спать. Темно въ сараѣ. Гдѣ же лечь-то, спрашиваю. А, вотъ, нагибайся, ползи, тутъ подстилочка есть. Поползъ я. Вдругъ какая-то тряпица спустилась съ веру на меня; въ этомъ разѣ слышу я: вяжи! А я все не разберу, въ чемъ дѣло. Однако, разъ! два! Разъ! два! да все по мнѣ, все по мнѣ съ приговорами: вотъ тебѣ, чтець, вотъ

тебѣ, пѣвецъ, вотъ тебѣ, силачъ, и перестало. Жду, что дальше. Ничего не дождался. Шутники мои, вѣроятно, оробѣли, что намну бока имъ и сбѣжали, а я уснулъ крѣпкимъ сномъ до утра. Прихожу въ домъ, а ихъ слѣдъ простылъ. Да когда они уѣхали, спрашиваю. Да вчера еще, да такъ торопились, будто за ними стая волковъ бѣжала. Ну и я объ этомъ казусѣ ни слова,—собрался и уѣхалъ домой.

Ближе и гуще раздавался рокотъ грома; густо синяя туча заслонила горизонтъ. Со свистомъ, прорѣзывая воздухъ, ласточки и стрижи носились въ небѣ; въ воздухѣ какъ бы перегаромъ какимъ пахло. Страшно въ грозу, но пошли Богъ дождя, чтобы разрядилась туча и дождевой влагой освѣжила воздухъ. Мы крестимся и жутко озираемся. Дѣдъ привсталъ съ крылечка, заслонилъ рукой глаза, шевелить что-то безкровными губами: не то молитва, не то страхъ виденъ на его лицѣ.

Туча ближе, громъ слышнѣе. Тонкая нить золотистой, огненной молніей прорѣзала уже не разъ западный край неба. Удары грома стали рѣже, однако съ такой оглушительной силой, что и нашъ современный „Богъ нѣтъ!“ очнулся бы. Мы отъ страха дышать не могли. Наконецъ, закапали одна, другая крупныя капли дождя. Затѣмъ, разразился ливень,—дѣдъ сказалъ бы на цѣлую упряжку. Отъ дождя дѣдъ припрятался къ намъ ближе на крыльцо. Воздухъ очистился, дышать стало свободно и приятно. Всѣ мы будто оживились дождемъ. Дѣдъ повеселѣлъ.

— Ну, что же, Ванюша, какъ твоя книжка говорить, вотъ, про громъ, молонью, дождь?

— Дѣдушка! Я этого еще не знаю, не учили. Думаю, что когда вертится земля, то рѣки-то кувыркаются, вотъ сверху-то и брызжетъ вода...

— Пожалуй, это-то вѣрно,—авторитетно подтверждаетъ дѣдъ, а вотъ, кто же это гремитъ-то тамъ? Можетъ, твоя земля-то вертится, Ваня, а это сыплются съ горъ камни?—вышучиваетъ дѣдъ. Я рассказалъ бы вамъ объ этомъ громѣ, какъ насъ научалъ одинъ древній старецъ. Много онъ выжилъ на вѣку, всѣ земли исходилъ, всѣ моря переплылъ; монастыри и церкви всѣ обходилъ. много знаетъ, вотъ, онъ и рассказывалъ намъ, что громомъ владѣетъ и гремитъ пророкъ Ілія—никто другой. И грозы-то бываютъ ближе къ празднику св. Іліи...

— Дѣдушка!—перебиваетъ studiosus,—да, вѣдь, гремитъ-то не Ілія, а это есть дѣйствіе природы, называемое электричество. Что гремитъ пророкъ Ілія колесами, это неправильно говорятъ, нѣтъ этого въ книгахъ, и старецъ твой говорить отъ себя, или отъ другихъ, но это неправда.

— Погоди, вскипѣлъ дѣдъ, драли тебя мало въ бурсѣ-то, вотъ ты и заучился, а старецъ-то всѣ моря переплылъ, всю землю исходилъ по св. мѣстамъ... Эхъ, ребята! порять васъ мало!!

Въ наше время посудачиль бы,—показали бы тебѣ небо съ овчинку... да!

— Дѣдушка! А ты гдѣ учился? тебя драли? ты видѣлъ небо съ овчинку? Ваня приставаль: расскажи дѣдъ, гдѣ учился, какія книжки у тебя были?

— Незачѣмъ, оборваль дѣдъ Ваню. Ваша наука по себѣ, наша наука по себѣ. Мы ходили по землѣ долгій вѣкъ свой и она, кормилица, не вертѣлась подѣ ногами, а по вашему жить—на головѣ ходить. Умники! осерчалъ дѣдъ.

Наши современные скептики, слушая наивную, до невѣроятности, рѣчь дѣда, удивятся. Мы взяли такое время, когда народъ учился у природы и изъ преданій старины. Да, справедливо говорится: великая сокровищница старина. Не исчерпать глубины ея, не перебѣжить ея конь-богатырь, не расцѣпить ея семипядый во лбу! Историки, крупные писатели расцѣпывали старину, но, увы! трехъ ложекъ не зачерпнули. Если бы заставили насъ провести черту на рубежѣ: старое—новое и сдѣлать надпись по обѣ стороны границы, то мы, не разбираясь, конечно, въ деталяхъ, сказали бы, что старый мѣръ болѣе тяготѣлъ къ природѣ и ея Творцу, а, вступая въ новый мѣръ, на первыхъ шагахъ, мы почуяли уже иную почву.

Но почему, однако, я взялъ на себя трудъ повѣдать о разсказахъ дѣда?

Да потому, что дѣдъ былъ цѣльная натура; упругій былъ дѣдъ; его переломить еще можно, а согнуть нельзя, потому что дѣдъ не пойдетъ на компромиссы, не станетъ говорить о его времени современнымъ намъ языкомъ, осерчаетъ дѣдъ, его тогда и въ мѣшкѣ не удержишь.

Пока я писалъ эти строки, Ванюшка, не разъ вбѣгалъ ко мнѣ спросить что-то...

— Не мѣшай; что тебѣ, Ваня?

— Гдѣ дѣдъ учился?

— Не знаю, Ваня, а полагаю, что нигдѣ не учился.

— Спроси самъ, онъ расскажетъ, только потрафляй, когда спросить.

Убѣжалъ Ваня къ дѣду.

Лучшее время года—весна красная, какъ золотая юность...

Весна въ тотъ годъ была прекрасная, теплая, сухая съ перемочками дождя. Травка, какъ бархатъ зеленый, цвѣты, что коверъ дорогой.

Воздухъ животворящій... Жизнь во всей силѣ вошла въ природу: не надынешься, не нагуляешься, ну, и работы только давай. Время—самый разгаръ посѣва овса. Дѣдъ уже безъ должности и работать не можетъ (сдалъ мѣсто дочери), а и онъ подтянулся. Зять поѣхалъ пахать, а дѣдъ, какъ его ни просили не братья за работу, не утерпѣлъ. По отъѣздѣ зятя на нашню, онъ взялъ лукошко, полно насыпаль овса, вынесъ изъ амбара, сходилъ въ домъ и что-то принесъ завернутое въ бѣлую тряпи-

цу. Ввалилиь лукошко на плечи и пошелъ въ поле. Мы пошли посмотреть, какъ это дѣдъ, который иную пору едва стоитъ на ногахъ, будетъ ходить по вспаханному рыхлому полю и сѣять овесъ.

Добрель дѣдъ до своей полосы. Богъ въ помощь!—громко крикнулъ зятю-пахарю. Затѣмъ, снялъ съ плечъ лукошко, поставилъ на межу, развернулъ тряпицу, изъ коей вынулъ Благовѣщенскую просфору и свѣчку; оставилъ и просфору и свѣчу въ овесъ въ лукошко, сталъ сначала на востокъ, сдѣлалъ на себѣ крестное знаменіе, затѣмъ, на западъ, на югъ и поклонился, поднялъ лукошко, поцѣловалъ, перекрестившись, просфору и началъ раскидывать зерна.

Отпрягли лошадей вести на кормъ, на отдыхъ, гдѣ трава погуще проросла. Дѣдъ, чтобы дать отдыхъ зятю, самъ взялся свести лошадку на кормъ и пасти. Мы, ребятишки, развѣ отстанемъ... Похватали по двѣ, по три лошади, верхомъ—и прощай. Стреножили лошадокъ; жадно они припали къ травѣ. Мы, ребятишки—къ ручью и пошла потѣха. Кто ловить гольцовъ, иной плотву замѣтить. Смѣхъ, шумъ, крикъ. О, незабвенное время! Вѣдъ, дѣдъ-то не выдержалъ, пришелъ къ намъ, сѣлъ подъ старой ракитой и сочувствовалъ, и вторилъ намъ своимъ глухимъ смѣхомъ. Уморились. Ай-да, ребята, отдыхать. Удобнѣе мѣста, какъ подъ ракитой, нѣтъ. Прохладно, да и дѣдъ, видно по лицу, сегодня добрый.

— Ну, что, ребята, набѣгались? Гольцы вамъ хвостъ казали? Взяли шишъ съ масломъ?

— Дѣдушка, да на что намъ ихъ; мы больше изъ за воды—очень пріятно въ водѣ-то.

— Да, дѣтки, это самое пріятное время, золотое время. Вотъ, глядя на васъ, и я вспомнилъ свои годы, я, вотъ, такъ же сидѣлъ у ручья съ пастухомъ-мальчишкой, когда шелъ съ покойной родительницей въ городъ, въ школу. Да! давно это было... вздохнулъ дѣдъ.

— Развѣ, ты, дѣдушка, учился? Гдѣ? Когда? Ваня такъ и закидалъ дѣда вопросами.

— Да, ребятки и учился и нѣтъ. Азбука-то у меня и по-сейчасъ цѣла, за образомъ въ божницѣ, а другой-то учебы, пожалуй, и не было, хотя и пробылъ я сколько-то времени въ городѣ.

— Расскажи, дѣдушка, все намъ...

— Ну, чтожъ? на что мнѣ беречь-то. Слушайте!

— Моя родина-то далеко отсюда, въ другомъ уѣздѣ. Наше село не далеко отъ города—такъ верстъ 30-ть, не больше. Родитель мой, царство ему небесное, померъ, а насъ у пономарицы-вдовы осталось шесть человѣкъ, малъ-мала меньше. Четыре дѣвицы было, да они всѣ повиданы теперь, да два мальчугана: я, да младшій братишка, что померъ. Какъ росли мы, чѣмъ выкармливала насъ матушка-вдова—одному Господу Богу извѣстно. Работала дома и у мужиковъ по найму. Сколько нужды видѣла

слезь пролила—Господу только извѣстно. Да! царство ей небесное! Спать въ сырой землѣ. Помолчалъ дѣдъ. Лѣтъ 7—8, помолясь Богу, моя родительница отдала меня учиться грамотѣ отставному гренадеру, тутъ же у насъ въ селѣ. Какъ и за какую плату онъ училъ—не знаю, а отъ другихъ, слышалъ, брали за выучку азбуку въ зиму два руб. ассигнаціями и какія-то подарки, въ видѣ масла, яицъ и пр. Насъ, школяровъ, у Терентьевича, такъ звали солдата, собралось на зиму 6-ть человекъ. Обученье шло самымъ простымъ способомъ. Приходили мы когда кому угодно, садились вокругъ стола, а на это время всегда топилась печь у Тер—ча. Собрались. Слышится отъ печки команда Т.: молитесь! Помолитесь. Бери указки, повторй зады, пока, вотъ, я управлюсь. Съели мы за столъ и началось: азъ, буки, вѣди, бра, вра, гра... Одинъ уже на выучкѣ третью зиму ходилъ,—такъ онъ ужъ нараспѣвъ тянулъ: буки, люди, титло нашъ ернѣ... Кончилъ Терен—чъ топить печь, прибрался, покормилъ цыплятъ, взялъ припасенный, березовый пруть и подошелъ къ столу.

— Ну, Микитка, тяни ровней: добро онцо—до...

— Ты, Кузька, всю указку изгрызь. Шалавый! Подходить ко мнѣ. Ну-ка ты, благословясь. Я не знаю, что дѣлать?

— Бери указку...

— Да у меня нѣтъ, говорю. Ахъ, поршивецъ! шелъ учиться, а указка гдѣ?

— Я, дяденька, не знаю...

Пошелъ солдатъ къ печкѣ, взялъ лучинку, заострилъ не очень тонко и подаетъ мнѣ.

— Вотъ тебѣ наука—говори за мной: азъ. Говорю азъ. Буки. Говорю буки. Вѣди! вѣди, говорю, глядя солдату въ ротъ. А указка гдѣ?! тыкай сюда такъ! Такъ и пошло изо дня въ день. Пинки, колотушки каждый день... Розгой Тер—чъ поролъ рѣдко, но зато крѣпко—больше по спинѣ, по плечамъ, по военному. Были у насъ и веселые дни, это когда Тер—чъ заморитъ червячка, какъ говаривалъ. Тутъ ужъ онъ преподаетъ пѣніе: самъ поетъ и насъ заставляеть. Проходилъ я зиму, а выучился мало.

Прозкзаменовалъ меня пономарь, да и говорить матери: дѣло, молъ, дрянъ, Митривна, Миколка ничего не знаетъ, отдавай въ школу въ городъ, тамъ годъ-другой проучится, изъ него дурь-то выбьютъ—все можетъ въ дѣячки выйдеть по сиротству.

Сколько было пролито слезь, разговоровъ было съ чѣмъ отправить, въ чемъ. Всѣ вопросы поднялись, а отвѣта нѣтъ. Однако, выручилъ тотъ же пономарь. Веди, говорить, въ городъ, отдай въ бурсу, а на фатеру и харчи отдай моему свояку, онъ при сборѣ сторожемъ, веди! Повела меня матушка въ городъ. Кое-какъ дошли. Отыскали свояка, къ нему... слезы, поклоны...

— Ну—ты, посуди, Митривна, своихъ шесть человекъ ребятъ, да твой еще седьмой будетъ, сѣдятъ они меня; а жена его такъ и руками машеть: не возьму, не возьму! Отвернулась куда-то жена свояка, онъ и шепчетъ матери: давай два пятака—оборудую... Мать

говорить: есть два пятака, но вот ему, т. е. мнѣ на лапти надо—вѣдь—босой. Босой это ничего, до холодовъ проходить и такъ, а тогда купишь, а ни-то,—какъ хочешь. Отдала меня мать сторожу и ушла домой. Взяться-то сторожъ взялся, а дѣло не вышло. На завтра воскресенье, въ бурсѣ ученья нѣтъ, итти проситься о принятіи меня тоже нельзя, почему мой хозяинъ и обдумалъ дать мнѣ пока иную науку. Въ субботу собрался самъ и меня взялъ съ собой звонить ко всенощной. Соборъ, дома протопопа, причта, сторожей стояли на высочайшемъ, земляномъ валу. Валъ, или крѣпость, послѣ я узналъ, осталась отъ временъ татарщины. Наши, вишь, строили, чтобы, значить, воевать съ ними. Красивое и грозное мѣсто и посейчасъ. Вотъ взошли мы на колокольню—и, Боже, ты мой! у меня голова закружилась, такая высота, а видъ:—кажется весь бѣлый свѣтъ видно. Городъ-то подъ нами только сверху виднѣется. Красота! Оглянулся я,—на колокольнѣ столько колоколовъ, что и не сочтешь, а большой колоколъ, такъ тотъ во второмъ ярусѣ виситъ. Не попусту взялъ меня мой хозяинъ. Мать моя проговорила, что ужъ очень гораздъ трезвонить, такъ, вотъ, сторожъ-то и хотѣлъ меня использовать, подвелъ къ малымъ колоколамъ и поучаетъ: вотъ, въ эти четыре ты можешь звонить, да чтобы складно? Могу и въ пять, говорю, а у самого такъ и горятъ глаза, ужъ очень колоколовъ-то много. Большой колоколъ уже давно гудитъ. Я слышу команду: ну, начинай съ верхнихъ подъ большой. И затрезвонили. И откуда у меня прыть взялась! какіе переборы я началъ вызванивать! Да, что? отменно хорошо я сдалъ провѣрку. Пошли въ соборъ. Соборъ старинный, а великолѣпіе такое, что нигдѣ такого не встрѣтишь. Вошли, я такъ и замеръ отъ удивленья, куда и глядѣть не знаю. Высокій, высокій иконостасъ, подъ самый куполь, весь въ золотѣ; иконы всѣ въ золоченыхъ ризахъ, хоругви, паникадила—и Царь, ты мой небесный! Изъ алтаря вышли, кадитъ самъ протопопъ, високаго роста, сѣдой, тучный старикъ въ золотой ризѣ, въ высокой шапкѣ. Діаконъ впереди со свѣчей идетъ, не нашему чета, это страсть, что такое! Большой, кудрявый, и ходитъ такъ вальяжно, кланяется низко. Пѣвчіе громогласно поютъ, но я ихъ и не слышалъ должно, такъ воззрился я на діакона. Народа много, свѣчей сколько горитъ! такъ величественно, такъ красиво, такъ благоговѣяно! По смерти я не забуду этого впечатлѣнія. Я остался у сторожа, а въ бурсу такъ и не пошелъ,—вздыхнулъ дѣдь...

— Какъ же, дѣдушка, опечалился Ваня, такъ ты не учился!?

— Ты погоди, не перебивай. Какъ не учился? учился, да не въ бурсѣ твоей, на все указаніе Божіе, вотъ что! Вышло дѣло такъ. Послѣ всенощной мой хозяинъ отнесъ ключи отъ собора о. протопопу на домъ. О. протопопъ и спрашиваетъ его: а чей это мальченка тебѣ кадило раздувалъ?

— Это, ваше преподобіе, говоритъ мой хозяинъ, сиротка, сынъ умершаго, не изволите-ли знать, пономаря изъ села Старомирава. Вчера мать его, Митривна, привела его обучать въ бурсу,

а на фатеру ко мнѣ. Оставила и ушла, а мальченка-то босой и раздѣтый вовсе, а я чѣмъ буду кормить? Своихъ 6 ребятъ, да еще въ бурсу отдай; я ужъ совсѣмъ не знаю какъ; вотъ развѣ ваше пренодобіе похлопочете, о чемъ прошу, и поклонился сторожъ земно протопопу въ ноги.

— Постои не то! Ты говоришь, что мальченка сынишка пономаря Старомірскаго, какъ не знать, покойный былъ мнѣ сродственникъ. Да. Завтра приведи его ко мнѣ. Ты говоришь, что онъ нагой и босой, такъ про бурсу и говорить нечего. Положимъ я заставлю его принять, но, вѣдь, хуже для него-то будетъ, забьютъ мальченка. Ну, да я подумаю. Завтра приведи.

Разсмотрѣлъ меня о. протопопъ, разспросилъ, знать понравился я ему; онъ и говорить сторожу: увѣдомъ, вотъ его мать, что я беру его къ себѣ, а что выйдетъ—не знаю, какъ Богъ. Съ этого раза я и остался у о. протопопа. Печи топилъ, въ домѣ убиралъ,—по двору что, дрова кололъ, а вечеромъ приходилъ писарь изъ дух. правленія и часа по два обучалъ меня грамотѣ. Одѣлъ, обулъ меня о. протопопъ, царство ему небесное. Онъ одинокій былъ, да и доброй души человекъ. Прожилъ я у него года два или больше. Матушка у меня умерла, я остался круглый сирота. О. протопопъ провѣдалъ о ея смерти и говорить мнѣ: ну, ты теперь учись, заботься самъ о себѣ. Отца и матери у тебя нѣтъ, да и я недолговѣченъ; такъ, вотъ, я попрошу пресвященнаго опредѣлить тебя, Микола, во дьячка, ну, а тамъ—Божья воля. Въ постелѣ уже лежалъ мой благодѣтель, а тутъ и смерть приспѣла. Христіанская кончина была о. протопопа, моего благодѣтеля; какъ-бы забывшись, пожалуй и не видя насъ, слушателей, всматривался дѣдъ въ пространство, какъ-бы стараясь уловить милое и дорогое ему. Ангелы святые взяли его душу, это все мы видѣли, на соборѣ это было. Много собралось священниковъ со всего города; изъ монастыря пріѣхалъ архіерей, ни то какой другой набольшій. Въ большой комнатѣ поставили столъ, все приготовили, что полагается для соборованія. Подняли о. протопопа. Обозрѣлъ онъ всѣхъ, да такъ умилительно и говорить: братцы и други! Кончина живота моего приспѣла. Помолитесь за меня, я не страшусь смерти, а вотъ предсмертіе наводитъ страхъ. Не о томъ говорю, что тамъ будетъ, я знаю это, а о томъ, какъ перейти изъ міра въ міръ иной, невѣдомый; мы всю жизнь жили и не приготовились. Сейчасъ страшно мнѣ, да и смерть своими крылами машетъ надо мной. Жутко! помолитесь за меня, братья, и простите, молъ, меня. Такъ плакалъ старецъ и мы все плакали. Сквозь слезы я взгляну, взгляну на него, а онъ все бѣлѣе, свѣтлѣе дѣлается въ лицѣ-то. Къ концу собора, какъ-то встряхнулся весь, должно быть встать хотѣлъ, но не могъ уже, а сказалъ такъ тихо, тихо: Нынѣ отпускаеши... Это Ангела Рафаила увидѣлъ онъ... Архіерей положилъ ему на голову св. Евангеліе и все утихло... Такъ въ креслѣ, при всемъ соборѣ, мой

благодѣтель, о. протопопъ, и скончался. Царство ему небесное—перекрестился дѣдъ и низко опустил старую голову.

Вотъ, ребятушки, правильно въ св. писаніи сказано: пути человѣку отъ Господа исправляются. Поступилъ я на мѣсто во дьячка, женился на молодой вдовѣ. Съ нею и вѣкъ прожили. Работница была, царство ей небесное. Домъ у насъ былъ полный, какъ чаша: скотинки вдоволь, пчелы были и яблоки разные, все было, есть чѣмъ вспомнать покойную.

Для меня это былъ послѣдній рассказъ стараго дѣда. Не долго послѣ этого разказа жилъ дѣдъ. Въ одно время, я уже былъ въ академіи, получилъ я два извѣстія: 1) что бурса упраздняется и 2) дѣдъ Староміръскій померъ, погребенъ близъ храма въ ногахъ умершаго раньше его о. Прокопія, а на его мѣсто опредѣленъ выбывшій изъ семинаріи Матвѣй Тросточкинъ.

Современные скептики, читая наивный рассказъ дѣда, пожалуй, заподозрили бы меня въ подборѣ словъ, но это будетъ грубая ошибка. Я взялъ и описывалъ такое время, когда народъ учился отъ природы и отъ устныхъ преданій старины. Почему я взялъ на себя нелегкій трудъ повѣдать рассказъ дѣда? Да потому, что дѣдъ былъ цѣльная натура, упругій былъ дѣдъ, его переломить можно, а согнуть нельзя, потому, что дѣдъ не ступится на компромиссы, онъ не станетъ говорить о его времени современнымъ языкомъ, осерчаетъ, его и въ мѣшкѣ не удержишь. Бери хочешь много, бери хочешь мало, но каковъ я есть—и только.

Свящ. Н. Величкинъ.

Депутаты епархіального съѣзда у его Высокопреосвященства, Владыки митрополита Макарія.

8-го октября, по предварительному соизволенію Его Высокопреосвященства, о.о. депутаты, въ количествѣ 124 человѣкъ, прибыли на Троицкое подворье и были приняты Владыкой митрополитомъ. Выйдя въ залу изъ внутреннихъ покоевъ къ о.о. депутатамъ, Его Высокопреосвященство преподавъ общее благословеніе представлявшимся и предложилъ пропѣть молитву Св. Духу, тропарь и кондакъ Пятидесятницы, что о.о. депутаты мощно и стройно пропѣли.

Послѣ сего къ Его Высокопреосвященству подошелъ о. предсѣдатель съѣзда свящ. о. Н. Г. Поповъ, принявъ благословеніе Владыки и доложилъ ему о томъ, что о.о. депутаты съѣзда благодарятъ Владыку за милостивое архипастырское вниманіе и преподанное благословеніе на предстоящіе труды въ дѣлахъ съѣзда.

Его Высокопреосвященство изволилъ обратиться съ рѣчью къ о.о. депутатамъ, въ которой ему было благоугодно высказать пожеланіе свое, чтобы съѣздъ

протекалъ мирно, въ единеніи ко благу церкви, пастырей и пасомыхъ, такъ какъ въ братской любви и единеніи—сила, и чтобы на сѣздѣ вопросы разсматривались только тѣ, которые значатся въ предварительно составленной программѣ сѣзда. Для разсмотрѣнія новыхъ вопросовъ внѣ программы, нужно освѣдомить о семъ Его Высокопреосвященство, такъ какъ всякіе новые вопросы, не экономического характера, не касающіеся рѣшенія именно епархіального сѣзда, и не рѣшавшіеся на прежнихъ епархіальныхъ сѣздахъ, въ своемъ разсмотрѣніи требуютъ крайней осторожности и осмотрительности, какъ обоюдоострые.

Послѣ милостивыхъ словъ, Его Высокопреосвященство преподалъ каждому о. депутату отдѣльно благословеніе, а о. предсѣдатель, товарищъ свящ. П. П. Шумовъ и о.о. секретари представляли подхитившихъ подъ благословеніе къ Его Высокопреосвященству, причемъ Владыка изволилъ спрашивать нѣкоторыхъ о.о. депутатовъ о мѣстѣ жительства, о служебномъ положеніи и проч.

Когда всѣ депутаты подошли къ Его Высокопреосвященству, они мощно и единодушно проявили многолѣтне архипастырю, за что Владыка благодарилъ.

Одаренные милостивымъ вниманіемъ, о.о. депутаты возвратились въ Епархіальный домъ и приступили къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

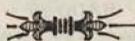
12-го октября предсѣдатель епархіального сѣзда свящ. Н. Г. Поповъ съ о.о. секретарями сѣзда, протоіереемъ А. А. Холмогоровымъ и священниками: Ѳ. І. Введенскимъ, Н. К. Виноградовымъ, Д. В. Вишняковымъ и Н. І. Геденовымъ были приняты Его Высокопреосвященствомъ Владыкой митрополитомъ на Троицкомъ подворьѣ.

Выйдя къ представлявшимся, Владыка привѣтливо и милостиво благословилъ предсѣдателя и о.о. секретарей и изволилъ выслушать докладъ о. предсѣдателя о томъ, что епархіальный сѣздъ закончилъ свои занятія 11-го октября вечеромъ, а также было доложено корпораціей президіума о трудахъ сѣзда и о томъ, что о.о. депутаты въ своихъ занятіяхъ памятовали завѣтъ Владыки, стараясь работать въ мирѣ и единеніи. О. предсѣдатель сдѣлалъ Его Высокопреосвященству краткое представленіе о томъ, что во время сѣзда въ свѣтскихъ газетахъ печатались отчеты о засѣданіяхъ епархіального сѣзда, и эти печатаемыя свѣдѣнія часто несоотвѣтствовали дѣйствительности, а иногда и искажались до неузнаваемости. Посему о. предсѣдатель сѣзда свящ. Н. Г. Поповъ просилъ Его Высокопреосвященство не придавать значенія этимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, неточнымъ, а подчасъ и невѣрнымъ, если бы кто-либо сталъ ссылаться на нихъ для невѣрнаго, предвзятаго освѣщенія занятій сѣзда. Владыка митрополитъ согласился съ доводами президіума и изволилъ согласиться, что сообщенія печати часто бываютъ односторонни и не всегда вѣрны. Было доложено о томъ, что журналы протоколовъ сѣзда со всемъ дѣлопроизводствомъ будутъ представлены Его Высокопреосвященству въ самомъ скоромъ времени, а нѣкоторыя статьи журналовъ, напримѣръ о возвышеніи цѣны на свѣчи, о $\frac{0}{0}$ сборѣ съ церковью

нѣкоторыя другія, въ виду ихъ спѣшности и необходимости провести въ жизнь теперь же, тотчасъ, до общаго утверженія протоколовъ, имѣютъ быть представлены особымъ докладомъ внѣ очереди.

Отпуская о. предсѣдателя и о.о. секретарей, Владыка благословилъ каждаго съ братскимъ отеческимъ лобзаніемъ и поручилъ передать о.о. депутатамъ съѣзда благословеніе за ихъ труды. Представлявшіеся, принявъ благословеніе, прогѣли Его Высокопреосвященству многая лѣта.

Свящ. *Θ. В.*

Извѣстія и замѣтки.

О томъ, что было съ Москвою при царѣ Борисѣ Годуновѣ и первомъ самозванцѣ Лжедмитріѣ¹⁾. Такъ выразилъ народъ русскій свое негодованіе и презрѣніе къ первому самозванцу-измѣннику и вѣроотступнику Лжедмитрію.

Со смертію царя Θεодора Іоанновича начались въ Москвѣ, а потомъ и повсемѣстно въ Россіи смуты, которыя потомъ продолжались въ теченіе 15 лѣтъ.

Сущность смуты заключалась въ томъ, что Россія пыталась создать новую царскую династію на мѣсто угасшей династіи св. Владимира. Въ качествѣ основателей новаго царствующаго дома, выступили тотчасъ по смерти царя Θεодора Іоанновича Годуновъ и Шуйскій. Когда для Годунова шапка и бармы Мономаха оказались тяжелыми, явился мнимый, самозванный возстановитель старой династіи—Лжедмитрій I, который сталъ орудіемъ порабощенія Россіи Польщиной и папизмомъ. Василій Шуйскій, воцарившійся послѣ гибели перваго самозванца, тоже оказался не способнымъ основать новый царствующій родъ и былъ поколебленъ въ своемъ положеніи вторымъ самозванцемъ, Лжедмитріемъ II.

Низложеніе же Шуйскаго поставило наше отечество въ тяжелое положеніе—стать изъ могущественнаго государства простой провинціей или польской, подъ властью короля Сигизмунда III, или шведской, подъ властью Густава-Адольфа. Но то или другое изъ этихъ владычествъ для чашихъ предковъ было страшнѣе ига монгольскаго, ибо монголы, или татары не трогали ни нашей вѣры православной, ни нашей государственности, ни нашей народности. Подъ властью же Польши или Швеціи Россія, въ то время еще не окрѣпшая, совсѣмъ потеряла бы все, что составляетъ ее всемірно-историческую особенность.

Не наша задача говорить подробно о смутѣ во время междоусурствія; наше дѣло прослѣдить то, что было съ Москвою за

¹⁾ Изъ посмертныхъ рукописей члена цезарскаго комитета С. И. Соколова.

время этой смуты. Но такъ какъ исторія города Москвы того времени составляетъ въ то же время и исторію государства русскаго, то намъ, по необходимости, придется вести рѣчь и объ исторіи смуты.

Борису Годунову не помогли утвердить свой родъ на царствѣ русскомъ ни богатства его, ни опытъ въ управленіи государствомъ, пріобрѣтенный еще при Грозномъ и особенно за время правленія царя Θεодора Иоанновича. Не помогли ему въ этомъ ни патріархъ Іовъ, ни земскій соборъ, ни щедрая благотворительность по отношенію къ народу. Не могъ Борисъ утвердить свой родъ на русскомъ престолѣ потому, что ножемъ онъ проложилъ себѣ кровавый путь къ престолу. Неправый способъ достиженія имъ царской власти давалъ себя чувствовать и при коронованіи его, которое было совершено патріархомъ 1-го сентября 1598 г. Въ память этого событія Борисъ Годуновъ, однако, построилъ церковь св. Симеона Столпника за Яузой.

Во время коронаціи Годунову было сорокъ семь лѣтъ отъ роду. Онъ былъ полонъ жизни и силъ. Высокій ростомъ, плотный, плечистый, круглолицый, съ черными волосами и бородой, онъ имѣлъ внушительный видъ и величавую осанку; глаза его внушали страхъ и повиновеніе.

До нашего времени сохранилось нѣсколько портретовъ его, сдѣланныхъ, впрочемъ, иностранцами за границею. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцы хорошо знали его, такъ какъ онъ любилъ окружать себя ими.

Государствомъ онъ правилъ умѣло; онъ довершилъ покореніе Сибири, основалъ въ ней города: Томскъ, Туринскъ, Верхотурье и др., строилъ новые города и въ самой Россіи. Онъ много заботился о народной нравственности, преслѣдовалъ пьянство и кабаки, коиъ подъ именемъ кружалъ въ то время много было въ Москвѣ. Онъ вызывалъ изъ за-границы разныхъ техниковъ, лѣкарей и аптекарей; задумалъ, было, онъ вызвать въ Россію изъ Франціи, Англій и Германіи и учителей для образованія школъ съ иностранными языками. Но этому воспротивилось духовенство изъ опасенія нарушенія въ чемъ бы то ни было вѣры православной. Для научныхъ цѣлей онъ отправилъ за-границу 18 молодыхъ людей, но они не возвратились на родину.

Сыну своему Θεодору и дочери Ксеніи Борисъ Годуновъ далъ прекрасное образованіе. Въ Москвѣ во время его царствованія продолжали развиваться разныя мастерства, а серебряное дѣло велось особенно успѣшно. По свидѣтельству Маржерета современника Бориса, бывшаго при немъ въ Москвѣ, у Годунова была масса серебряной посуды чисто русскаго мастерства.

Москву Борисъ Годуновъ обстраивалъ новыми зданіями. А въ голодные, бывшіе при немъ, годы онъ, чтобы дать народу заработокъ, выстроилъ для себя большія каменные палаты, на томъ мѣстѣ, гдѣ были хоромы Грознаго. Палаты Годунова существовали въ Москвѣ до начала прошлаго столѣтія и находились

противъ Чудова монастыря, гдѣ теперь стоятъ Кремлевскія казармы. Но главнымъ памятникомъ построекъ Бориса Годунова въ Москвѣ былъ Иванъ Великій, по высотѣ своей превывшій всѣ зданія Россіи и долго въ этомъ отношеніи соперничавшій съ самыми высокими заграничными постройками. Колокольня Ивана Великаго Борисомъ Годуновымъ построена была для того, между прочимъ, чтобы упрочить славу его въ отдаленныхъ будующихъ поколѣніяхъ. Надпись подъ золоченой главой Ивана Великаго гласитъ: „Изволеніемъ Св. Троицы, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и сына его, благовѣрнаго великаго государя царевича великаго князя Ѳеодора Борисовича, всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 1600 года“.

Въ высоту колокольня Ивана Великаго имѣетъ 46½ сажени. Для нея Борисъ приказалъ отлить громадный колоколъ въ 10,000 пуд., который впослѣдствіи былъ перелить въ теперь существующій разбитый царь-колоколъ.

Но ничто не могло упрочить Бориса и его родъ на царскомъ престолѣ. Москву и Россію при немъ начали посѣщать одно за другимъ бѣдствія. Въ 1601 году начался страшный трехлѣтній голодъ. По словамъ Маржерета, цѣны на хлѣбъ въ Москвѣ во время этого голода возросли съ 15 коп. за мѣру до 3 рублей.

Чѣмъ больше онъ помогаль народу раздачей денегъ и хлѣба, тѣмъ больше приходило въ Москву голодающихъ. Начались грабежи и убійства изъ-за куска хлѣба. Люди стали питаться чѣмъ попало. Начался потомъ моръ, уносившій десятками тысячъ людей. Въ Москвѣ умерло около 120,000 тыс. народа. У москвичей, по свидѣтельству Авраамія Палицына, въ это время уже появилась мысль, что „бѣдствія на народъ навлекаютъ беззаконія Бориса“. Смутно стало на душѣ царя Бориса и русскаго народа за эти годы.

Въ самой природѣ замѣчались, по сказанію современниковъ, какія-то зловѣщія явленія, наводившія на всѣхъ страхъ. Иностранецъ Беръ говоритъ, что по ночамъ на небѣ въ то время видны были огненные столбы, которые, сталкиваясь между собою, какъ будто вели битвы. Бури низвергали колокольни и ворота; рождалось множество уродовъ; появилась масса волковъ; въ самую Москву стали забѣгать звѣри. Наконецъ появилась комета съ большимъ хвостомъ. Напуганный всемъ этимъ, Борисъ призвалъ разъ къ себѣ старика-иностранца и спрашивалъ, что она вѣщаетъ; тотъ сказалъ, что она „грозитъ“ ему „великою опасностію“. Въ концѣ концовъ онъ ожесточился и омрачился. Ему всюду стали чудиться измѣна и крамола. На помощь къ нему въ то время явились шпіоны и доносчики. Пошли опалы, заточенія и даже тайныя казни. Подъ вліяніемъ подозрительности Борисъ одно время приказалъ даже нѣмцу хирургу выщипать

недавнему своему другу Бѣльскому бороду по волоску, а затѣмъ сослалъ его въ заточеніе въ одинъ изъ низовыхъ городовъ. Къ великому горю народному, скоро начались гоненія на бояръ Романовыхъ, стоявшихъ чрезъ царицу Анастасію въ родствѣ съ угасшимъ царскимъ родомъ. Они были отправлены Борисомъ въ заточеніе въ разные города отдаленные. Особенно тяжело въ это время пострадалъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, котораго царь Ѳеодоръ Іоанновичъ намѣревался сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Ѳеодоръ Никитичъ отличался и красотою, и умомъ, и благородствомъ своего характера. Всѣ окружающіе чувствовали на себѣ его обаяніе и особенно любовались имъ, когда онъ ѣздилъ на конѣ верхомъ. Этого-то боярина и его супругу Борисъ велѣлъ постричь въ монашество и отправилъ въ заточеніе на сѣверъ. Но и неистовства не помогали Борису освободиться отъ тяжелаго состоянія духа. Онъ, а равно и народъ въ тяжкомъ предчувствіи ждали страшной грозы. И гроза эта скоро началась съ появленіемъ на Руси самозванца, который сталъ орудіемъ кары убійцѣ царевича-отрока, а для русскаго народа сталъ орудіемъ Польщины и іезуитскаго папизма для порабоженія русскаго православнаго царства.

Не наша задача говорить о томъ, какъ самозванецъ появился. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы указать, что было съ Москвою за это время. Отъ времени царствованія Бориса Годунова до насъ дошли важные два плана города Москвы, изъ коихъ видно, что типъ ея при немъ уже сложился и въ послѣдующее время испытывалъ лишь второстепенныя измѣненія.

Одинъ изъ этихъ плановъ начерченъ сыномъ Годунова Ѳеодоромъ Борисовичемъ и воспроизводился въ XVII столѣтіи въ амстердамскихъ изданіяхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Планъ этотъ представляетъ Москву въ чертѣ Земляного города, или вала, который совпадаетъ съ нынѣшней Садовой улицей. Правда, планъ этотъ сдѣланъ безъ соблюденія масштаба, но несомнѣнно снятъ съ натуры и опредѣляетъ положеніе всѣхъ стѣнъ, окружающихъ Кремль, Китай-городъ, Бѣлый-городъ и Земляной городъ, а также отношеніе нѣкоторыхъ улицъ. Недостатокъ этого плана заключается въ расширеніи Кремля и Китай-города. Составленіе этого плана относится ко времени 1605 года.

На этомъ планѣ нетрудно разсмотрѣть нѣкоторыя подробности топографіи Москвы. Въ Китай-городѣ уже намѣчены улицы: Никольская, Троицкая (или Ильинка), Варварка. Козьмодемьянскія ворота вели къ Москвѣ-рѣкѣ на такъ называемую Великую улицу. Стѣны Китай-города были красныя кирпичныя и такими оставались до правленія царицы Софьи, которая велѣла ихъ выбѣлить. На Никольской улицѣ еще при Іоаннѣ IV была топографія, на Варваркѣ—домъ бояръ Романовыхъ и англійское подворье.

Стѣна Бѣлаго-города, или Царь-города имѣла 28 башенъ и 9 воротъ: Чертольскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Петров-

скія, Срѣтенскія, Мясницкія и Яузскія. Къ этимъ воротамъ вели соотвѣтствующихъ названій улицы. Ворота и стѣны Бѣлаго-города по ветхости были разобраны при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. А императрица Екатерина II приказала заровнять и шедшіи вокругъ стѣнъ ровъ и на его мѣстѣ устроить бульвары. При постройкѣ стѣнъ въ Бѣломъ-городѣ было не мало свободныхъ мѣстъ, кои образовали площади, какъ, на примѣръ, Житную (въ Охотномъ ряду), гдѣ былъ Моисеевскій монастырь, Коневскую между Варваркой и Ильинкой.

„Скородомъ“, или Земляной городъ, представлялъ кругъ неправильной формы, охватывавшій самую Москву, за исключеніемъ подмосковныхъ слободъ и селъ. Деревянные стѣны Скородома были очень толсты и имѣли множество башенъ, что придавало городу красивый и величавый видъ. Ворота въ немъ, какъ видно по плану, были всѣ одинаковой постройки.

Въ стѣнахъ Земляного города, включая въ него и Зарѣчье за Москвой рѣкой, находились разныя слободы, давшія имена ихъ урочищамъ и опредѣлявшія ихъ бытъ. Таковы: Могильцы (близъ Мертваго переулка), Плотники, Кречетники, Трубники, Сторожи, Воротники, Пушкари, Грачи, Мясники, Огородники, Садовники, Каташи (ткачи), Толмачи (переводчики), Ядовы, Бронники, Бараши (шатерники). Были и слободы инородческія, населенныя преимущественно татарами, какъ, на примѣръ, Татарская слобода, Балчугъ, Таганка, Ордынка. Въ Наливкахъ жили выходцы съ запада и т. д.

За Землянымъ городомъ шли уже села, скоро обратившіяся въ слободы и вошедшія въ составъ города, какъ Напрудское, Елохово, Образцово и др. Эти села впоследствии были замкнуты новымъ болѣе обширнымъ кругомъ—Камерь-Коллежскимъ валомъ.

Этотъ общій топографическій обзоръ Москвы можетъ быть пополненъ подробнымъ планомъ Кремля, нарисованнымъ въ царствованіе Годунова. Планъ этотъ напечатанъ въ географіи, изданной въ Амстердамѣ. Этотъ видъ Кремля древнѣйшій послѣ фантастическаго вида Герберштейна. Онъ даетъ понятіе не только о мѣстахъ тѣхъ или другихъ кремлевскихъ зданій, но и о фигурахъ ихъ съ подробностями ихъ архитектурной отдѣлки.

Кремль на этомъ планѣ представляется въ видѣ неправильнаго трехугольника. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ не только стѣнами, но и водою, т.-е. Москвой-рѣкой, Неглинкой и особаго водяного рва. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ не одна стѣна, а двѣ и даже три. Большая стѣна покрыта двухскатной, не существующей теперь, кровлей. Башни имѣютъ формы и высоту инныя, чѣмъ теперь. У воротъ видны мосты. Нѣкоторые храмы, какъ, на примѣръ, пятиглавый Чудовскій соборъ, имѣютъ такъ же не тотъ, какъ теперь, видъ. Въ Кремлѣ были деревянные мостовыя.

Очень любопытно изображеніе на планѣ передъ Кремлемъ Китай-города, именно Красной площади съ находящимися на

ней строеніями. Справа, на Сѣверной сторонѣ, въ стѣнѣ Китай-города возвышаются покрытыя кровлей ворота Неглинскія (нынѣ Воскресенскія); за ними черезъ Неглинную идетъ мостъ, а передъ нимъ со стороны Тверской улицы—по обѣимъ сторонамъ торговыя лавки. Отъ Неглинскихъ воротъ стѣна Китай-города, переходя черезъ ровъ, смыкается съ Кремлевскою стѣною у ея наугольной Неглинской башни. Здѣсь, внутри Китай-города, видно двойное строеніе подъ двумя крышами. Это старый земскій дворъ. Покровскій соборъ изображенъ съ открытыми лѣстницами въ верхній ярусъ и съ главками вокругъ средняго шатроваго верха, нынѣ несуществующими. Около него трехъярусная колокольня, покрытая тремя шатровыми верхами, въ которыхъ видны колокола. Далѣе, къ Москворѣцкимъ воротамъ,—четыре ряда торговыхъ лавокъ, въ которыхъ продавались сапоги. За этими лавками двѣ небольшія церкви, вѣроятно, Николы Москворѣцкаго и Спаса Смоленскаго.

Возвратимся вновь къ описанію конца царствованія Годунова.

13 апрѣля 1505 года Борисъ Θεодоровичъ всталъ съ постели, повидимому, здоровымъ и казался бодрымъ. Послѣ обѣда онъ взошелъ на вышку, съ которой часто любовался Москвою, но вдругъ спустился оттуда и сказалъ, что ему дурно, что у него сильное колотье внутри. Бросились за врачомъ. Но стало уже видно, что пришелъ послѣдній часъ его. У него пошла кровь изъ носа и ушей, и онъ упалъ безъ чувствъ. Прибылъ патріархъ съ духовенствомъ, приобщили его и наскоро постригли въ иночество съ именемъ Боголѣпа.

Похороны его были совершены на другой день по кончинѣ безо всякой царской вышности. Похоронили его въ Архангельскомъ соборѣ. Умеръ онъ 55 лѣтъ совершенно сѣдымъ.

Сыну его Θεодору Борисовичу немного пришлось царствовать. Онъ и супруга Бориса Марія, т.-е. мать Θεодора, были убиты передъ вступленіемъ въ Москву самозванца, который приказалъ тѣло царя Бориса вытащить изъ Архангельскаго собора и похоронить вмѣстѣ съ сыномъ и женою въ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Лубянкѣ, или на Убогихъ домахъ. Но и отсюда потомъ тѣла Годуновыхъ переправлены были къ преподобному Сергію, гдѣ и теперь лежатъ подъ часовней впереди алтаря Успенскаго собора.

Низверженіе Годуновыхъ произошло не въ видѣ революціи, передающей власть кому-либо изъ ея вождей, а въ видѣ возвращенія престола будто спасшемуся отъ смерти его законному наслѣднику, царевичу Димитрію. Тѣ, кто подготовилъ самозванца, дѣйствовали несомнѣнно съ тонкимъ разумнѣемъ государственнаго духа русскаго народа, чуждаго въ то время всему революціонному и анархическому. Права законныхъ государей въ то время русскій народъ такъ понималъ высоко, что достаточно

было только одного имени царевича Димитрія, чтобы родъ Годуновыхъ былъ устраненъ отъ престола.

Выше я упоминалъ, что царь Борисъ Годуновъ построилъ за рѣкою Яузой въ 1600 г. церковь св. Симеона Столпника въ память своего восшествія на престолъ. Церковь эта находится на Рогожской или Ямской улицѣ. Расположена она на возвышеніи, или бугрѣ; форма ея—прекрасная ротонда съ соразмѣрнымъ куполомъ. Колокольная ея, существующая теперь, построенная много послѣ церкви, а именно въ 1739 году, перестроена въ 1863 году. Теплая церковь въ этомъ храмѣ возобновлена въ 1852 году почетнымъ гражданиномъ Руссиновымъ. При церкви св. Симеона имѣются два придѣла—одинъ во имя св. Димитрія, Ростовскаго чудотворца, а другой во имя св. Николая.

Варсонофьевскій монастырь, куда было перенесено первоначально тѣло Бориса, упраздненъ въ 1764 году. Онъ былъ женскій и извѣстенъ былъ подъ именемъ Варсонофьевскаго монастыря на рву. Основаніе его приписываютъ Варсонофіи, по преданію, матери святителя Филиппа, митрополита московскаго. Близъ него находился въ древности Убогій домъ, т.-е. кладбище для погребенія странниковъ, убогихъ и погибшихъ насильственной смертію. Это-то и было причиною, что Лжедимитрій, завладѣвъ русскимъ престоломъ, велѣлъ перенести тѣло Бориса съ сыномъ и женою сюда. Теперь Варсонофьевскій монастырь представляетъ собою простой приходскій храмъ и находится между Рождественскою и Лубянкой въ переулкѣ, носящемъ по этому храму свое названіе, т.-е. Варсонофьевскаго.

С. Соколовъ.

Лѣтопись епархіальной жизни.

Крестный ходъ вокругъ Кремля. 13-го октября былъ совершенъ большой крестный ходъ вокругъ Кремля, установленный въ память избавленія Москвы отъ нашествія французовъ. Крестному ходу предшествовала литургія въ Алексѣевскомъ храмѣ Чудова монастыря, которую совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, въ сослуженіи преосвященнаго Василія, епископа Можайскаго, и другого духовенства. При богослуженіи присутствовали: командующій войсками Московскаго округа генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плева, Московскій комендантъ генераль-отъ-инфантеріи Е. П. Вишняковъ и многія другія военно-начальствующія лица.

Крестный ходъ выступилъ изъ Кремля въ двѣнадцатомъ часу дня. Во главѣ духовенства слѣдовалъ преосвященный Трифонъ; впереди его шествовали преосвященные Василій, Анастасій и Модестъ. Шествіе замыкали войска Московскаго гарнизона, съ оркестромъ музыки. Несмотря на неблагоприятную погоду, крестный ходъ по всему пути встрѣчался массами народа.

Содержаніе: Слово, произнесенное въ храмѣ Василя Кесарійскаго. Религія культурнаго мѣщанства.—Изъ стараго быта духовенства.—Депутаты епархіального съѣзда у Его Высокопреосвященства Владыки митрополита Макарія.—Извѣстія и замѣтки.—Лѣтопись Епархіальной жизни.

При семъ № прилагается „Московский Благовѣстъ“ № 44.
Цѣна листковъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣхъ на 6 руб. пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

октябрьская книжка журнала

„Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“

СЪ ТАКИМЪ СОДЕРЖАНІЕМЪ: Полулѣтковой юбилей Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Прот. Н. Д. Извѣкова.—Трагедія современнаго философски-мыслящаго русскаго человѣка. (Окончаніе). А. С.—Историческій очеркъ полулѣтковой жизни и дѣятельности Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. (1863—1913 г.). (Продолженіе). Прот. Н. Д. Извѣкова.—Матеріалы для исторіи русской церкви: объ освященіи церковей Московскаго уѣзда послѣ нашествія непріятелей въ 1812 г. (Окончаніе). Діак. Н. П. Виноградова.

Духовныя лица и ихъ семейства пользуются на льготныхъ условіяхъ въ зубоврачебныхъ кабинетахъ

Мих. Матв. БРАТЕНШИ.

Всѣ зубныя операціи **безъ боли**, искусств. зубы обыкновенныя и мостовидныя.

Кузнецкій Мостъ, Кузнецкій пер. Тел. 79-45.

Вышла изъ печати новая книга:

Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, двумя факсимиле, ПОРТРЕТОМЪ-ГРАВЮРОЙ и видомъ памятника (въ двухъ краскахъ) на отдѣльныхъ листахъ.

==== Цѣна 1 руб., роскошное изданіе на мѣловой бумагѣ 2 рубля. ====

Складъ изданія: Москва, Зубовскій бул., д. 29, кв. 15, у Е. П. Матасовой.

Здѣсь же можно
получать

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ В. А. ГРИНГМУТА

въ 4-хъ том.
за 4 рубля.

села Благовѣщенскаго, Верейскаго уѣзда, Гавріила Васильева, въ Томскую епархію для занятія священно-церковно-служительскихъ мѣстъ, по усмотрѣнію преосвященнаго Агапита: „На чемъ основано, что Яблонскому 16 лѣтъ, когда въ свидѣтельствѣ ему 19? Почему онъ показанъ въ семъ докладѣ обучающимся въ Виѣанской семинаріи, когда въ дѣлѣ есть свидѣтельство объ исключеніи его изъ Московской семинаріи? Консistorіи пересмотрѣть сей докладъ,—видно, безъ прочтенія подписанный, что особенно неудовлетворительно со стороны архангельскаго протоіерея, по части котораго состоитъ дѣло“.

9485. Резолюція отъ 3 іюня на консисторскомъ опредѣленіи о разрѣшеніи игуменіи Московскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря Аванасіи, съ сестрами, возобновить теплую церковь во имя Іоанна Златоустаго, согласно мнѣнію благочиннаго монастырей Высокопетровскаго архимандрита Гавріила, на монастырскую неокладную сумму и пособіе жертвователей, по одобреніи плана, фасада и смѣты комиссіею строеній: „По соображенію дѣла, съ осмотромъ на мѣстѣ, открываются слѣдующія основанія къ рѣшенію. 1) Церковь построена 1677 года; а иконостасъ въ ней построенія, по характеру его, недавняго, но отъ сырости зданія ветхъ деревомъ, почему сохраненъ быть не можетъ; хоры тяжелы и не благообразны. 2) Иконы нижняго яруса древнѣе иконостаса; и ихъ предполагается сохранить и въ новомъ. 3) На сѣверной сторонѣ трапеза, гдѣ предполагается вновь открыть окно, находится современная надпись о построеніи сего храма, прилагаемая при семъ въ списокъ, сдѣланномъ мѣстнымъ священникомъ.—Посему надлежитъ учинить слѣдующее. 1) Вышеозначенную надпись, какъ достопамятную, при возобновленіи церкви сохранить неприкосновенною, и потому на семъ мѣстѣ окна не дѣлать. 2) Впрочемъ поступить по опредѣленію консисторіи“.

9486. Резолюція отъ 11 іюня на журнальномъ опредѣленіи консисторіи о сношеніи съ Московскимъ и Дмитровскимъ земскими судами объ отысканіи потерянныхъ священникомъ Вознесенской, села Сурмина, церкви, Дмитровскаго уѣзда, Іоанномъ Сергѣевымъ со старостою церковнымъ во время пути изъ Москвы въ село Сурмино св. антимиаса, выданнаго во вновь устроенную въ томъ селѣ каменную церковь, и парчи, пожертвованной на престоль и жертвенникъ: „Переписку съ земскими судами нельзя признать соотвѣтственною цѣли. Вещи всякій нашедшій могъ признать церковными, и слѣдственно представить безъ розыска,

на что и времени довольно было. Но какъ сего не послѣдовало: то что сдѣлають Земскіе Судьи? Цѣлыя селенія обыскивать не станутъ; и нерозыскъ не общаетъ иного послѣдствія, кромѣ неблагопріятной гласности.—Учинить слѣдующее. 1) Употребить, еслии еще какія возможны, скромныя мѣры къ отысканію; расходъ по замѣнѣ потерянныхъ вещей возложить на потерявшаго ихъ священника. 2) Консистеріи сдѣлать по сему дѣлу требуемое заключеніе, не отлагая далѣе“.

9487. Резолюція отъ того же числа на выпискѣ изъ докладнаго консисторскаго журнала съ представленіемъ рапорта благочиннаго Богородскаго уѣзда, Троицкой, села Купавны, церкви священника Димитрія Крылова объ ученикѣ низшаго отдѣленія Перервинскаго духовнаго училища Николаѣ Цвѣтковѣ, оставленномъ при Богородицерождественской, села Анискина, церкви въ должности дьячка до іюня, когда онъ долженъ явиться на испытаніе: „Ученикъ читаетъ съ погрѣшностями даже и псалтирь, и это послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы при церкви; въ потномъ пѣніи также не исправенъ. Какъ на сію неисправность его жалуются прихожане: то учинить слѣдующее. 1) Отъ мѣста его удалить и велѣть учиться чтенію и пѣнію для занятія мѣста съ достоинствомъ. 2) Впрочемъ, еслии онъ убѣдитъ Анискинскихъ прихожанъ потерпѣть его при ихъ церкви, въ надеждѣ изученія должности: то можетъ преосвященный, по ихъ согласію, паки опредѣлить его въ сей церкви, съ назначеніемъ срока для приготовленія къ испытанію вновь“.

9488. Резолюція отъ того же 11 іюня на прошеніи священника Ильинской, на Воронцовомъ полѣ, церкви, Ивановскаго сорока, Тимофея Иванова о предоставленіи ему дома, принадлежавшаго его покойному предмѣстнику священнику Александру Степанову Александровскому, который продалъ ему еще при жизни за 18.000 руб., въ чемъ выдалъ записку, причемъ общалъ вмѣстѣ съ домомъ домашнихъ вещей на 1.500 рублей и написать реестръ этихъ вещей. Но, по смерти его, опекуны: Екатерининскаго института священникъ Мартинъ Леонтьевъ и Шереметевской больницы священникъ Александръ Симеоновъ потребовали въ уплату за домъ непременно 18.000 руб., но вещей никакихъ не выдали, такъ какъ реестра ихъ не оказалось. Поэтому священникъ Ивановъ внесъ въ уѣздный судъ 17.500 р. а въ 500 р. представилъ записку, по которой предмѣстникъ его состоялъ должнымъ Ардатовскому купцу Василию Григорьеву Рахманову,

передавшему эту записку священнику Тимоѳею Иванову. Уѣздный судъ записку отъ него принялъ въ уплату, но, по настоянію опекуновъ, утверждавшихъ, что она писана не по формѣ, и на незаконной бумагѣ и имъ неизвѣстна, записку ему возвратилъ, съ правомъ просить по ней о взысканіи особенно, а 500 руб. внести, что онъ и исполнилъ; опекуновъ же просилъ, чтобы по сей запискѣ они его удовлетворили, такъ какъ онъ по запискѣ же, писанной на простой бумагѣ, заплатилъ 18.000 руб., и чтобы консисторія 500 руб. имъ не выдавала до тѣхъ поръ, пока они не докажутъ, что записка писана не рукою его предмѣстника, но эти 500 руб. имъ уже выданы. Опекуны теперь признали записку подлинною и согласились удовлетворить священника Иванова, но консисторія сего не разрѣшаетъ: „Естьли справедливо писать проситель, что онъ по запискѣ, писанной на простой бумагѣ, уплатилъ 18.000 рублей, не останавливая дѣла за тѣмъ, что записка на простой бумагѣ; а теперь возникаетъ сомнѣніе о томъ, уплатить ли ему 500 рублей по запискѣ, писанной на простой бумагѣ, которой подлинности опекуны не отвергаютъ: то консисторіи предложить просителю и опекунамъ или объ записки признать дѣйствительными въ существѣ своемъ, несмотря на качество бумаги, или объ признать недѣйствительными, въ какомъ случаѣ уплата 18.000 руб. перестанетъ быть обязательною и домъ можетъ подвергнуться оцѣнкѣ“.

9489. Резолюція отъ 13 іюня на консисторскомъ опредѣленіи о вычетѣ третьей части дохода у діакона Георгіевской, на Вespольѣ, церкви Льва Стефанова Протопопова въ уплату долга его въ 3.300 руб. ассигн. купеческой вдовѣ Аннѣ Александровой Васильевой по сообщенію Московскаго надворнаго суда, на что діаконъ Протопоповъ изъявилъ свое согласіе: „Лица приходскаго духовенства въ Москвѣ по необходимости подвергаются долгамъ при покупкѣ домовъ: но въ семъ положеніи не былъ діаконъ Левъ въ 1838 и 1839 годахъ; потому долги не подвергають его нареканію расточительности.—Учинить слѣдующее. 1) Опредѣленіе сіе исполнить. 2) Предоставленныя ему двѣ части дохода выдавать преимущественно не ему, а женѣ его для бережливаго употребленія на пропитаніе семейства. 3) Сдѣлать діакону въ консисторіи увѣщаніе, чтобы онъ исправилъ свое поведеніе, и тѣмъ предохранилъ себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей“.

9490. Резолюція отъ того же числа на прошеніи священника церкви св. безсребренниковъ Космы и Даміана, что на Со-

лянкѣ, Петра Евдокимова, съ представленіемъ копіи съ именного Высочайшаго указа, послѣдовавшаго на имя бывшаго въ Москвѣ оберъ-полицеймейстера Архарова, отъ 12 августа 1775 года, о взятіи отъ Варварскихъ воротъ 5.000 руб. и объ учрежденіи подъ вѣдомствомъ полиціи особой больницы и богадѣльни; но объ образѣ Боголюбскомъ Божіей Матери ничего не сказано, какъ не сказано и о томъ, чтобы послѣ взятія 5.000 руб. и на будущее время получаемыя отъ сего образа кружечныя и свѣчныя деньги также получать полиціи или Приказу Московскаго общественнаго призрѣнія, но на основаніи только сего указа Приказъ имѣеть въ вѣдѣніи своемъ Боголюбскій образъ Божіей Матери и отъ него получаетъ всѣ доходы; другихъ же какихъ-либо документовъ Приказъ не имѣеть; при этомъ священникъ проситъ прощенія въ томъ, что въ донесеніи благочинному указъ назвалъ послѣдовавшимъ 12 октября, вмѣсто 12 августа: „Консисторіи сіе прошеніе и приложенный списокъ указа присоединить къ дѣлу, и такимъ образомъ исправить погрѣшности, вкравшіяся въ предшествовавшее донесеніе священника. Ибо изъ копіи съ указа открывается, что икона не передана въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія; что о ней даже не упоминается въ указѣ; что указомъ назначены на богадѣльню и больницу деньги 5.000 р. единовременно, а ежегоднаго, или на все послѣдующее время назначенія никакого нѣтъ; что деньги означены не собранными при иконѣ, а собранными при Варварскихъ воротахъ, изъ чего должно заключать, что это деньги, собранныя при Варварскихъ воротахъ разгласителями ложнаго видѣнія, и взятія въ вѣдомство полиціи, которыя посему и не почтены церковными, какъ плодъ суевѣрнаго и коры столюбиваго вымысла и какъ прикосновенныя къ событію бѣдственному и кровопролитному“.

1841 9491. Резолюція отъ 14 іюня на выпискѣ изъ консисторскаго журнала съ опредѣленіемъ: требуемыя указомъ Свят. Синода свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ при переименованіи селъ и деревень въ города поступаемо было съ отведенными въ законную пропорцію тамошнимъ церквамъ землями, вмѣстѣ съ репортами протоіереевъ Подольскаго и Богородскаго и и. д. благочиннаго заштатнаго г. Воскресенска и справкою по клировымъ вѣдомостямъ за 1839 г., представить Свят. Синоду: „1) Исполнить. 2) Какъ причтъ заштатнаго города Воскресенска еще и нынѣ владѣеть пятью десятинами пашенной земли, да около четырехъ десятинъ такой же земли находятся во владѣніи гражданъ съ

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

26-го октября.

№ 42.

1913 года.

Отъ Московской Духовной Консисторіи.

Симъ объявляется духовенству Московской епархіи, что въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, 21 ноября 1913 года въ церквахъ епархіи долженъ быть произведенъ сборъ пожертвованій въ пользу Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста, съ тѣмъ, чтобы собранныя суммы были направляемы чрезъ благочинныхъ въ Комитетъ Общества Бѣлаго Креста. (С.-Петербургъ, Очаковская ул., д. № 4—6).

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

На священническое мѣсто къ Успенской церкви села Витевева, Московскаго уѣзда, учитель церковно-приходской школы при сельцѣ Гостиловѣ, Бронницкаго уѣзда, Михаилъ *Успенскій*, съ рукоположеніемъ во священника, 4-го іюня.

На священническое мѣсто къ Николаевской церкви села Субботина, Верейскаго уѣзда, діаконь Крестовоздвиженской церкви села Воздвиженскаго, Дмитровскаго уѣзда, Сергій *Погожевъ*, съ рукоположеніемъ во священника, 11-го іюня.

На діаконое мѣсто къ Вознесенской церкви села Новаго, на рѣкѣ Дубнѣ, Дмитровскаго уѣзда, псаломщикъ села Новаго, Иванъ *Кадышевъ*, съ рукоположеніемъ во діакона, 31-го мая.

Псаломщики—Московской Николаевской, на Болвановкѣ, церкви Аркадій *Добролюбовъ* и Сергіевской, на Большой Дмитровкѣ, Сергій *Морозовъ* одинъ на мѣсто другого, 1-го іюня.

И. д. псаломщика къ Христорожественской церкви села Сенина, Серпуховскаго уѣзда, сынъ псаломщика Алексій *Зоринъ*, 1-го іюня.

Псаломщикомъ къ Предтечевской церкви села Ивановскаго, Серпуховскаго уѣзда, псаломщикъ села Сенина, Николай *Зоринъ*, 1-го іюня.

И. д. псаломщика къ Богородицерожественской церкви села Савельева, Рузскаго уѣзда, воспитанникъ семинаріи Теодоръ *Марковъ*, 3-го іюня.

Псаломщикомъ къ Покровской церкви погоста Никольскаго, на рѣкѣ Лутоснѣ, Клинскаго уѣзда, окончившій Виѣанскую семинарію Василій *Пякинъ*, 4-го іюня.

И. д. псаломщика къ Крестовоздвиженской церкви села Новаго, на рѣкѣ Волгѣ, Клинскаго уѣзда, сынъ священника Иванъ Орловъ, 4-го іюня.

Псаломщикомъ къ Московской Николаевской, въ Голутвинѣ, церкви окончившій Виѣанскую семинарію Михаилъ *Богословскій*, 5-го іюня.

Псаломщикомъ къ Московской Троицкой, на Воробьевыхъ горахъ, церкви псаломщикъ Александръ *Смирновъ*, 5-го іюня.

Псаломщики—Коломенскаго собора Михаилъ *Кротковъ* и Преображенской церкви села Крымскаго, Рузскаго уѣзда, Иванъ *Мосоловъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого, 6-го іюня.

Псаломщики—Христорожественской церкви села Подушкина, Звенигородскаго уѣзда, Николай *Лебедевъ* и Троицкой церкви села Сапролова, Серпуховскаго уѣзда, Александръ *Лебедевъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого, 7-го іюня.

И. д. псаломщика къ Знаменской церкви села Ильинскаго, Коломенскаго уѣзда, бывшій и. д. псаломщика Александръ *Долгоруковъ*, 7-го іюня.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковныхъ школъ Московской епархіи въ 1912—1913 учебномъ году.

Настоящій 1913 годъ для церковно-приходскихъ школъ Московской епархіи ознаменовался весьма важными и памятными событіями. Событія эти были вызваны участіемъ нашихъ школъ въ торжественномъ всероссійскомъ празднованіи трехсотлѣтняго царствованія Дома Романовыхъ. Многія изъ нашихъ школъ имѣли счастье присутствовать въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ дни Романовскихъ торжествъ удостоились Высочайшаго посѣщенія.

24 мая при торжественномъ вѣздѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора въ Москву церковныя школы были поставлены по пути слѣдованія на Охотнорядской площади, близъ часовни Иверской Божіей Матери. Кромѣ столичныхъ школъ были собраны и ближайшія къ Москвѣ уѣздныя, по преимуществу, Московскаго уѣзда: Всѣхсвятская, Коптевская, Алексѣевская, Богородская, Борисовская, Казанско-Головинская, Чашниковская и др.

При школахъ находились всѣ о.о. уѣздные наблюдатели, о.о. завѣдующіе и учащіе собранныхъ школъ.

26 мая при посѣщеніи Государемъ Императоромъ Новоспасакаго монастыря сюда были допущены ближайшія столичныя школы и Нехорошевская второклассная школа Серпуховскаго

уѣзда, Спасо-Преображенская Гуслицкаго округа, Серафимо-Алексеѣвская одноклассная Московскаго уѣзда. Ученики и ученицы этихъ школъ при слѣдованіи Государя Императора съ Августѣйшей Семейю къ Божественной литургіи пѣли нѣкоторыя пѣснопѣнія.

Присутствовавшій здѣсь г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ изволилъ обратить вниманіе на Нехорошевскую второклассную школу и выразилъ учащимъ благодарность за хорошее веденіе воспитательнаго дѣла, съ которымъ онъ имѣлъ возможность познакомиться по ученицамъ, продолжающимъ образованіе въ Богословской церковно-учительской школѣ Тульской епархіи.

24 мая при посѣщеніи Государемъ Императоромъ Троицко-Сергіевской Лавры въ Сергіевомъ посадѣ были собраны церковныя школы Дмитровскаго уѣзда. Явились учащіеся слѣдующихъ школъ: двухъ академическихъ, Воскресенской, Рождественской, Лаврской-пѣвческой, Наугольной, Крестовской, Ахтырской, Хотьковской, Артемовской, Дмитровской соборной, Покровской двухклассной, Ольговской, Рогачевской, Куликовской и Ивановской, всего 16 школъ, свыше 600 учащихся. Всѣ они вмѣстѣ со своими учащими и о. уѣзднымъ наблюдателемъ священникомъ Ѳ. М. Воронцовымъ во главѣ были поставлены шпалерами близъ вокзала по пути слѣдованія Его Величества. Епархіальный наблюдатель А. Д. Италинскій, вмѣстѣ съ другими губернскими и уѣздными чинами, имѣлъ счастье представляться Его Императорскому Величеству Государю Императору на перронѣ по выходѣ Его Величества изъ вагона. При отъѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ учащіе церковныхъ школъ были поставлены на самомъ перронѣ предъ вагонами Царскаго поѣзда и удостоились получить отъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича подарки, состоящіе изъ разнаго рода сладостей въ пакетахъ.

Ученицы Хотьковской монастырской школы къ пріѣзду Государя Императора изящно вышили гладью полотенце, на которомъ матушка игуменія поднесла просфоры о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Учительница Рождественской школы А. Рыбакова по поводу пріѣзда Царской Семейи составила стихи, чрезъ г. Московскаго Губернатора рѣшилась представить ихъ на вниманіе Его Императорскаго Величества и получила изъ Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора, отъ 22 іюня 1913 года за № 11711 такой отвѣтъ: „Канцелярія, по приказанію Министра Императорскаго Двора увѣдомляетъ учительницу Христорождественской женской церковно-приходской школы А. Рыбакову, что за поднесеніе Его Императорскому Величеству составленнаго просительницыей привѣта въ стихахъ и выраженіе вѣрно-подданническихъ чувствъ—повелѣно „благодарить“.

Стихи эти слѣдующіе:

Великій Господа Избранникъ,
 Нашъ Путеводъ въ стези земной,
 Творца Всевышняго Посланникъ,
 Монархъ Россіи дорогой!
 Тебѣ съ Царицею Державной
 Со всюю Царственной Семейей
 Отъ всей Россіи православной
 Звучить привѣтъ сердець простой.
 Какъ лучезарная денница
 Живигъ лазурный небосводъ,—
 Такъ Ты, родимый Царь съ Царицей,
 Собою весь радуешь народъ.
 О, Солнце ясное, Ты, наше,
 Монархъ Державный дорогой,
 Ты жизни подданнымъ всѣмъ краше
 Съ Своею Царственной Семейей.
 Красу и славу всей отчизны,
 Родной нашъ Царь, мы зримъ въ Тебѣ,
 Ты озаряешь путь намъ въ жизни,
 Оплоть Державный нашъ въ судьбѣ.
 И съ сердцемъ полнымъ умиленья,
 Святой любовію горя,
 Несется Руси всей моленье
 Передъ подножьемъ алтаря.
 Да пусть пошлетъ Зиждитель Свѣта
 На радость подданныхъ сердець
 Тебѣ премноги, многи лѣта
 Съ Семейей Державной, Царь—Отець!

I.

Школы грамоты. Успѣхи учащихся по предметамъ школьнаго курса. Школьная дисциплина. Заботы объ улучшеніи состава учащихся (курсы и проч.).

Школъ грамоты въ отчетномъ году по уѣздамъ епархіи было 22; сравнительно съ прошлымъ годомъ число значительно уменьшилось, было 33. Въ Богородскомъ, Верейскомъ и Можайскомъ уѣздахъ такихъ школъ по 4; въ Бронницкомъ, Волоколамскомъ, Клинскомъ и Гуслицкомъ округѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ; въ остальныхъ уѣздахъ по одной и по двѣ. Изъ 11 школъ грамоты, представляющихъ разницу по сравненію съ прошлымъ годомъ, только двѣ школы: одна въ Дмитровскомъ уѣздѣ и одна въ Можайскомъ, совсѣмъ закрылись по случаю открытія здѣсь земскихъ школъ; остальные были преобразованы въ школы одноклассныя, именно, три въ Гуслицкомъ округѣ, двѣ въ Можайскомъ уѣздѣ, три въ Серпуховскомъ и одна въ Московскомъ. Есть надежда на преобразование и другихъ школъ, такъ что число этого типа школъ еще уменьшится. Причины этого явленія извѣстны, о нихъ не разъ высказывалось въ отчетахъ и поэтому останавливать на нихъ вниманіе не представляется потребнымъ.

Почти во всѣхъ школахъ грамоты преподаваніе велось по программѣ школъ одноклассныхъ, такъ что 15 школъ представили учениковъ къ выпускному экзамену по этой программѣ. За исключеніемъ двухъ, во всѣхъ прочихъ преподають учителя

и учительницы изъ окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ и свидѣтельства на званіе учителя одноклассной школы. Въ общемъ преподаваніе ведется правильно и успѣхи обученія, по отзывамъ о.о. уѣздныхъ наблюдателей, вездѣ удовлетворительные. Въ частности по предметамъ школьнаго курса можно отмѣтить только слѣдующее:

Законъ Божій. Въ большинствѣ школъ преподаютъ этотъ предметъ сами учителя и учительницы подъ такимъ или инымъ руководствомъ о.о. завѣдующихъ. Результаты обученія засвидѣтельствованы хорошими; только одинъ наблюдатель отмѣчаетъ то естественное у такихъ преподавателей Закона Божія явленіе, что преподаваніе ведется по книгѣ и носить формальный или механической характеръ.

Церковное пѣніе. Въ очень немногихъ школахъ успѣхи были полные, почти наравнѣ съ требованіями школъ одноклассныхъ; въ большинствѣ же дѣло ограничивалось пѣніемъ съ голоса общеупотребительныхъ молитвъ, въ двухъ школахъ пѣніе и совсѣмъ не преподавалось.

Славянскій языкъ, русскій и ариметика. Преподаваніе этихъ предметовъ велось нормально, наравнѣ со школами одноклассными, по крайней мѣрѣ ученики, представленные къ выпускному экзамену, въ своихъ познаніяхъ ничѣмъ почти и въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ не отличались отъ учениковъ одноклассныхъ школъ. Какихъ-либо спеціальныхъ особенностей или упущеній по этимъ предметамъ не было замѣтно.

Также нормально, обычно и благопріятно обстояло дѣло и со стороны школьной дисциплины, такъ что сказать по этому вопросу ничего не имѣется.

Курсовъ для учителей школъ грамоты не было. Другія заботы объ улучшеніи состава учащихся въ сихъ школахъ выразились только въ слѣдующемъ: нѣкоторые наблюдатели присылали учителямъ методическія сочиненія и требовали отъ нихъ знакомства съ ними, предлагали иногда примѣрные уроки и т. п. Епархіальный же Совѣтъ ежегодно отпускаетъ нѣкоторую сумму для выдачи пособій и наградъ за усердное веденіе дѣла. Въ отчетномъ году на этотъ предметъ было выдано свыше 500 руб.

II.

Школы церковно-приходскія одноклассныя и двухклассныя. Успѣхи по общеобразовательнымъ предметамъ. Дополнительные уроки въ предѣлахъ учебнаго курса. Классные журналы. Расписаніе уроковъ. Школьная дисциплина. Народныя чтенія при церковно-приходскихъ школахъ. Вечерніе классы. Воскресноповторительныя занятія. Учащіе, наиболѣе ревностно относящіеся къ школьному дѣлу. Заботы объ улучшеніи учительскаго персонала. Курсы.

Одноклассныхъ школъ въ отчетномъ году по уѣздамъ епархіи было 484; въ прошломъ году было 473; прибавилось 11 школъ; изъ нихъ—9 преобразованныхъ изъ школъ грамоты и двѣ вновь

открытыя, именно: на погостѣ Гнилуши, Бронницкаго уѣзда, и на Островѣ Подольскаго. Прибавилась и одна школа двухклассная въ селѣ Дубровкѣ, Богородскаго уѣзда; стало всѣхъ 15. Школъ одноклассныхъ и двухклассныхъ вмѣстѣ 499.

По всѣмъ уѣздамъ епархіи введено всеобщее обученіе и церковныя школы внесены въ школьныя сѣти, выработанныя земскими и городскими самоуправленіями. Изъ общаго числа школъ двухклассныхъ и одноклассныхъ не вошло въ сѣть только 30. Нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ такихъ городахъ и посадахъ, которыя еще не вводили всеобщаго обученія, напри- мѣръ, г. Серпуховъ, Бронницы, Звенигородъ, Павловская сло- бода, Звенигородскаго уѣзда, и т. п.; нѣкоторыя школы вновь открыты и преобразованы изъ школъ грамоты, на принятіе ихъ въ школьныя сѣти надежда еще не утеряна. Школъ, которыя совсѣмъ не попадутъ въ сѣти, можно считать не болѣе 15, что составитъ только 3%. Земство Московскаго уѣзда, не принявшее ранѣе 24 церковныхъ школъ, въ прошломъ году приняло почти всѣ; осталось только 4 школы, изъ которыхъ нѣкоторыя при пе- ремѣнѣ мѣстныхъ условій, можетъ-быть, еще и будутъ приняты.

Въ связи со всеобщимъ обученіемъ вводится и четырехлѣтній курсъ обученія. Въ отчетномъ году такихъ школъ было 88, болѣе прошлаго года на 7 школъ. Вообще четырехлѣтній курсъ вводится по нашимъ школамъ съ большими препятствіями и осложненіями. Во-первыхъ, школьныя помѣщенія у насъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой одну классную ком- нату и одну квартиру для учителя; для четырехлѣтняго курса нужны двѣ классныя комнаты и двѣ учительскія квартиры. Чтобы расширить и приспособить наличныя помѣщенія, нужны большія средства, которыми не располагаютъ ни уѣздныя Отдѣ- ленія, ни Училищный Совѣтъ. Во-вторыхъ, для четырехлѣтняго курса необходимъ двухкомплектный составъ школы; гдѣ онъ имѣется, тамъ почти вездѣ уже введенъ этотъ курсъ. Въ осталь- ныхъ школахъ ввести второй комплектъ не вездѣ соглашается земство, да и хлопотать объ этомъ по малолѣтству учащихся не всегда бываетъ и удобно. Наконецъ, въ-третьихъ, бываютъ слу- чаи, когда четырехлѣтній курсъ введенъ, а учиться въ четвер- томъ отдѣленіи нѣтъ желающихъ; приходится обучать учениковъ, не дѣлая годъ, два и болѣе выпускковъ, что, конечно, не жела- тельно во многихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ уѣздамъ дѣло это понемногу растетъ и укрѣпляется, напри- мѣръ, въ уѣздахъ Московскомъ, Дмитровскомъ, Гуслицкомъ округѣ, Коломенскомъ и др.

Въ установленное время и въ установленномъ порядкѣ были произведены выпускные экзамены по однокласснымъ и двухкласс- нымъ школамъ. Школъ, не представившихъ по разныхъ причи- намъ учениковъ къ выпуску, оказалось немного, всего 15. Это или вновь открытыя школы, безъ выпускного отдѣленія, или школы, перешедшія въ отчетномъ году на четырехлѣтній курсъ

обученія, или, наконецъ, такія школы, въ которыхъ по случайнымъ обстоятельствамъ ученики оставили школу и не явились къ экзаменамъ.

По общему состоянію учебнаго дѣла школы принято раздѣлять у насъ на слѣдующіе три разряда или группы: школы съ безусловно прекрасными успѣхами обученія, школы вообще удовлетворительныя или среднія и школы въ томъ или другомъ отношеніи слабыя или плохія. На основаніи отзывовъ о.о. уѣздныхъ наблюдателей, къ первому разряду отнесено 218 школь, ко второму—272 и плохими по всѣмъ уѣздамъ оказалось 9 школь. Изъ послѣднихъ только въ трехъ слабые успѣхи явились слѣдствиемъ неспособности и нерадѣнія учащихся, о которыхъ уже приняты соотвѣтствующія мѣры; въ остальныхъ причинами оказывались обстоятельства случайныя: частая смѣна учащихся, продолжительное прекращеніе занятій по случаю эпидемій и т. п.

Въ частности по отдѣльнымъ предметамъ обученія можно сказать слѣдующее.

Законъ Божій. И въ отчетномъ году къ преподаванію этого предмета приходилось нерѣдко допускать лицъ безъ специально богословской подготовки. Въ нѣкоторыхъ школахъ, особенно по уѣздамъ: Можайскому, Рузскому и Гуслицкому округу, преподавали Законъ Божій не только учительницы, кончившія курсъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, но и лица, имѣющія только свидѣтельства на учительское званіе. Но преподавали они всегда подъ ближайшимъ наблюденіемъ мѣстныхъ о. о. завѣдующихъ и, по отзывамъ уѣздныхъ наблюдателей, успѣхи обученія были вполне удовлетворительныя. Одинъ наблюдатель свидѣтельствуется даже, что у него въ уѣздѣ самые лучшіе успѣхи по Закону Божію оказались въ школѣ, гдѣ этотъ предметъ преподавала учительница. Вообще состояніе этого предмета по нашимъ школамъ свидѣлствуется съ самой благопріятной стороны. Одинъ изъ уѣздныхъ наблюдателей дѣлаетъ такой отзывъ по сему поводу: „Правильная и разумная постановка Закона Божія, какъ главнаго жизненнаго предмета, по нашимъ школамъ, безусловно, теперь вполне опредѣлилась и вылилась въ ту давно желательную форму, которая собственно требовалась и не программю только, а болѣе всего главною цѣлью этого предмета, какъ религіозно-воспитательнаго средства. Почти всѣ о. о. законоучители бросили прежнюю ретивую погоню за количествомъ въ изученіи, а обратили свое серьезное вниманіе на нравственно-воспитательную сторону дѣла. Раньше законоучитель хвалился тѣмъ, что онъ все прошелъ по программѣ, а теперь онъ вправдѣ болѣе хвалится тѣмъ, что все пройдено сознательно, каждая молитва, каждая исторія соединена съ нравственнымъ выводомъ и познанія учащихся отличаются жизненностью“. Но и положенная по сему предмету программа вездѣ почти выполняется. Въ нѣкоторыхъ школахъ присоединяются еще противораскольническія и противосектантскія свѣдѣнія, въ большин-

ствѣ случаевъ по книгѣ Варжанскаго „Образецъ здраваго ученія“. Въ школахъ Гуслицкаго округа ученики знакомятся съ такими старообрядческими книгами, какъ Великій и Малый Катихизисъ, Книга о вѣрѣ, Кириллова книга и др. Нѣкоторые законоучители ведутъ чтенія изъ житій святыхъ. Пробѣлы и недостатки въ преподаваніи Закона Божія, замѣченные нѣкоторыми уѣздными наблюдателями и отмѣченные въ экзаменныхъ актахъ, носятъ въ большинствѣ случаевъ случайный и единичный характеръ. Изъ такихъ недостатковъ можно указать только одинъ, отмѣченный у трехъ наблюдателей. Именно церковно-историческія свѣдѣнія, полагаемыя по программѣ для четырехлѣтняго курса, усвоены были учениками недостаточно основательно и въ неопредѣленномъ объемѣ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что нѣтъ еще учебника, составленнаго по новой программѣ, и приходится преподавать со словъ; а вообще можно сказать, что законоучители пока не успѣли приспособиться къ требованіямъ этой программы, нерѣдко въ распредѣленіи матеріала держатся старой программы, назначенной для трехлѣтняго курса, забываютъ о дополнительныхъ требованіяхъ и т. п.

Наконецъ, достойно упоминанія здѣсь о слѣдующемъ постановленіи Епархіальнаго училищнаго Совѣта, сдѣланномъ въ цѣляхъ улучшенія преподаванія Закона Божія по церковнымъ школамъ: Совѣтъ на засѣданіи своемъ 7 іюля сего 1913 года, согласно предложенію Его Высокопреосвященства митрополита Московскаго Макарія, изволившаго замѣтить, что въ школахъ недостаточно твердо усвояютъ исторію Домостроительства Божія, постановилъ предложить всѣмъ преподавателямъ Закона Божія въ церковныхъ школахъ, чтобы они обращали вниманіе на основательное усвоеніе учениками исторіи Домостроительства Божія, руководствуясь тѣмъ изложеніемъ, какое предложено въ книгѣ Высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Макарія подъ названіемъ: „Какъ слѣдуетъ вѣровать, жить и молиться“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъновъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
Баріловъ.